

ПУШКИН

В

ОРЕНБУРГЕ

1 9 3 7
ОРЕНБУРГСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПУШКИН
В
ОРЕНБУРГЕ

ОРЕНБУРГСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Оренбург.

1937 г.

А. С. Пушкин.

А. С. Пушкин и пугачевское восстание

Отмечая столетие со дня гибели Александра Сергеевича Пушкина, народы Советского Союза справедливо гордятся своим великим поэтом.

В мрачную эпоху царского самовластия и беспробудного гнета поэзия Пушкина звучала, как призыв к свободе и народному счастью, как грозное изображение рабства и темноты.

Пушкин — гениальный русский народный поэт — глубоко любил трудовой народ. Эта сторона облика поэта особенно ярко видна из его мыслей о роли народных масс, из его высказываний о крепостном праве, его интереса к героям, вышедшим из народной толпы.

К нам — в оренбургские степи, в город Оренбург и в станицу Берды — Александра Сергеевича Пушкина привлекал именно глубочайший интерес к народному революционному движению.

Этот интерес у великого поэта был далеко не проходящ, далеко не случаен. Всю жизнь его неотступно волновали глубочайшие драматические потрясения, происходившие в гуще народных крестьянских масс.

В своей величайшей исторической трагедии «Борис Годунов» Пушкин впервые в русской драматургии выводит на театральную сцену народ, как действующую силу истории. В этой трагедии есть замечательные строчки, в которых Пушкин говорит, почему Димитрий побеждает Годунова: Димитрий силен

«Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением, да мнением народным».

Кончается же эта трагедия глубоко знаменательной фразой: «народ безмолвствует».

Поэт собирает целый цикл песен о Стеньке Разине, которого называет «единственным поэтическим лицом в России», в том смысле, что Разин — единственный, кого воспевают в своих песнях народ.

Кстати, по поводу этих песен, шеф жандармов граф Бенкендорф, которому Николай I поручил цензуру над сочинениями Пушкина, сказал поэту: «Песни о Стеньке Разине при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему, не приличны к печатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина и Пугачева».

Вопреки этим церковным «проклятьям» А. С. Пушкин интересуется не только народными восстаниями русского прошлого, восстаниями крепостных в Западной Европе и французской революцией. Не только это, но и современные поэту события в России — бунты против аракчеевских военных поселений, петербургские холерные бунты, крестьянская программа декабристов — все это было у Пушкина постоянным предметом глубокого изучения и размышления.

Как известно, мечтая о свободе и о всеобщем равенстве людей, Пушкин не видел путей борьбы за эту свободу, не видел после разгрома декабристов тех реальных сил, которые добыли бы в борьбе политическую свободу.

Приветствуя восстание декабристов, Пушкин видел в нем творческое, просвещенное начало. Но когда восстание было подавлено, то в России того времени, не осталось ни одной революционной силы, кроме стихийного движения крепостных крестьян.

А в этом стихийном движении, — крестьянских восстаниях — Пушкин видел только разрушительную силу. Восставшие крепостные крестьяне, сжигавшие помещичьи усадьбы, были далеко не похожи на просвещенных декабристов — дворянских революционеров. Пушкин боялся в крестьянском движении этой его стихийной разрушительной стороны. Пушкин писал однажды:

«Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды, или не знают нашего народа, или уже люди жестокосердые, которым чужая головушка — полушка, да и своя шейка — копейка».

Тем не менее, при всей этой ограниченности социальных взглядов поэта, глубокую ошибку совершат те, кто сделает вывод, что сочувствие Пушкина было на стороне дворянского класса, против которого поднимал свои дреколья восставший крепостной.

Нет и тысячу раз нет! Ничем иным, как клеветой на поэта, можно назвать вывод М. Храпченко, который в своей статье в IX томе «Литературной энциклопедии» старается доказать, что Пушкин является только «защитником дворянства как класса» (стр. 405). Взгляды Пушкина выходили далеко за пределы ограниченности дворянского класса. Нет никаких сомнений, что до Пушкина — дворянина по положению — доходили и воздействовали на него настроения крестьянских масс. Поэтому-то он и стал великим народным поэтом.

Те мнимые «литературоведы», которые изображают Пушкина дворянским или дворянско-капиталистическим писателем, по существу обедняют величие Пушкина, искажают Пушкина, пытаются изолировать его наследие от народных масс, строящих великую социалистическую культуру, которая вбирает в себя великое наследие художников прошлого.

«Правда» в передовой статье о Пушкине писала:

«Русский народ справедливо гордится своим поэтом. В Пушкине сказалась талантливость, сила, вдохновение, страсть великой страны, ее трудящихся масс... Не только для русского народа писал Пушкин. Ему дороги были трудящиеся всех национальностей». (Подчеркнуто мною, С. К.).

А. С. Пушкин (как и другие великие писатели-реалисты—Грибоедов, Гоголь, Толстой, Бальзак, Флобер и др.) был критическим реалистом, критически относился и к дворянскому обществу и к складывавшимся тогда элементам капиталистических отношений.

А. М. Горький однажды говорил, что только второстепенные писатели славословили феодальные и капиталистические порядки. Подлинные же художники, крупные писатели всегда были блудными детьми своего класса. Видя мерзость и гнусность феодальных и капиталистических порядков, они не могли некритически относиться к идеям и делам своего класса, они в своих произведениях восставали против этих порядков.

Таким «блудным сыном» своего дворянского класса был и А. С. Пушкин.

Пушкин вышел далеко за пределы ограниченной социальной среды и стал глашатаем свободы в эпоху реакции, борцом за счастье человеческой личности. А. С. Пушкин, как удачно вы-

разился т. Косарев, «больше наш современник, чем был современником своему поколению и своему обществу сто лет назад».

Пушкин велик и дорог советскому народу, как певец света, солнца, гармонической человеческой личности, певец человеческого счастья и веселья, радости и разума. Хорошо написал об этом наш академик Б. Келлер:

«Он воспитывал в нас глубокий оптимизм, основанный на ярком, конкретном материалистическом, радостном восприятии природы, на настоящей человечности. Если во мне горит жажда жизни, которая выросла до чрезвычайной силы и страстности в новых советских условиях, то в этом есть, несомненно, заложенная во мне еще с детства доля Пушкина».

Пушкин велик и дорог для нас, как певец свободы, как независимый и просвещенный борец с самодержавием. Пушкин не принадлежал к декабристам, но он был человеком их круга. Его поэзия бичевала пресмыкательство перед властями, перед попами. Его поэзия имела огромное освободительное значение.

В статьях о Радищеве А. С. Пушкин писал:

«Избави меня, боже, быть поборником и проповедником рабства».

Когда поэт был в ссылке в Кишиневе, его знакомый, князь Долгоруков, записал в своем дневнике 20 июля 1822 года следующие строчки о взглядах Пушкина:

«Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты большею частью, один класс земледельцев — почтенной. На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а есть ли б это было, то он с удовольствием затягивал бы петлю».

С отвращением относясь к изуверствам крепостнического строя, Пушкин доходил до ясного понимания, в чем заложены причины народных восстаний.

Восстановив картину пугачевского восстания во время своих путешествий по Заволжью и Оренбуржью, Пушкин, как известно, написал «Историю Пугачева» и повесть «Капитанская дочка». В этих произведениях поэт с ужасом рассказывает о жестокостях правительства в расправе с мятежниками.

В этих произведениях поэт по существу не столько осуждал бунт, сколько с негодованием (сдерживаемым цензурой) показывал дикий произвол властей, породивший справедливое сопротивление народных масс.

С глубокой симпатией к калмыкам А. С. Пушкин пишет, например, в «Истории Пугачева» следующие строчки про одну из причин, выведшую этот мирный народ из терпения:

«Между Волгой и Яиком, по необозримым степям астраханским и саратовским, кочевали мирные калмыки, в начале осьмнадцатого столетия ушедшие от границ Китая под покровительство белого царя. С тех пор они верно служили России, охраняя южные ее границы. Русские приставы, пользуясь их простотой и отдаленностью от средоточия управления, начали их угнетать. Жалобы сего смиренного и доброго народа не доходили до высшего начальства...».

С возмущением против изувергов самодержавия описывал Пушкин башкира-пугачевца, изуродованного при подавлении башкирского восстания 1740—41 гг.

«Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят.

У него не было ни носа, ни ушей. Он был малого роста, тощ и сгорблен, но узенькие глаза его сверкали еще огнем.

Стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Юлай взял плеть и замахнулся: тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий отрубок».

После этой потрясающей сцены Пушкин восклицает:

«Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

Это восклицание адресовано дворянству и правительству. Пушкину не могло быть неизвестным, что при подавлении восстания башкир в 1740—41 гг. было сожжено 696 деревень, а 301 главному участнику восстания были отрезаны носы и уши.

Разве мудрено, что описанный Пушкиным башкир из «Капитанской дочки», изуродованный царскими палачами в 1740—42 годах через три десятилетия, в 1773—74 гг., пошел за восставшим Пугачевым?

В работах Пушкина над «Историей Пугачева» мы видим, что поэт понимал классовый характер борьбы крестьянства с дворянами и дворянским государством, признавал в известной мере закономерность и неизбежность пугачевского восстания. Пушкин писал.

«Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны».

Это понимание закономерности пугачевского восстания и отвращение поэта к зверствам дворянского правительства резко выделяло Пушкина из дворянско-придворной среды его времени.

Пушкин стал писать историю пугачевского восстания, как официальный государственный историограф. Ему по приказу царя были открыты для этого тайные архивы и отпущены деньги на поездку в Заволжье, в Оренбург. Но то, что вышло из под пера Пушкина, после его посещения Оренбурга, было далеко не похоже на официальное отношение правительства к пугачевскому движению.

Дворяне и царь с ужасом вспоминали Пугачева. Они могли говорить о нем только с пеной у рта, как о «злодее», «душегубце», «каторжнике», «крамольнике».

А представленная Пушкиным царю рукопись о Пугачеве смутила Николая I уже одним своим тоном, одним своим заглавием. Как известно, Пушкин назвал свое произведение «История Пугачева». Царь зачеркнул это. Книга вышла под заглавием «История пугачевского бунта». Эта поправка очень характерна. В ней, как в капле воды, видна разница отношения к Пугачеву со стороны поэта и со стороны Николая I и всего дворянского государства.

Для Пушкина — гуманиста, человеколюбца, ставившего личные качества человека выше его чинов и сословности, — Пугачев был исторической фигурой, к которой он подходил с огромным интересом, как к выдающейся личности, хотя и происходящей отнюдь не из «благородного сословия».

Он видел в Пугачеве смелость, порывы благородства, черты великодушия.

Таково, например, сочувственное описание Пугачева в «Капитанской дочке»: «Черты лица его

правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого». В уста действующего лица своей повести Гринева поэт вкладывает следующие слова по адресу Пугачева:

«Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему...»

В глазах же царя и дворян Пугачев был только каторжником и душегубом, который не может иметь своей истории. Почетное слово «история» может быть достойно только князей и графов, только особ дворянского происхождения, а отнюдь не крепостных холопов, да еще мятежных. Таков был смысл царской поправки.

Чиновник министерства финансов Вронченко в письме к графу Канкрину так и объяснял причину изменения заглавия пушкинского произведения:

«Государь император переменял слова указа не потому, что тут полагалась ошибка, а рассуждая, что преступник, как Пугачев, не имеет истории».

Не только эту «поправку» внес Николай I в рукопись поэта. Он испещрил ее поля многими замечаниями. У Пушкина в конце произведения невольно вырываются слова, что «Суворов с любопытством» расспрашивал славного мятежника о его военных действиях...»

Николай I ставит сбоку этой строчки свою пометку *НЗ* и в печати появляется уже «расспрашивал пленного мятежника...»

И хотя Пушкин не раз называет пугачевское восстание «гнусным бунтом», это не может скрыть от нас большую разницу в отношении к Пугачеву со стороны Пушкина и со стороны «официального мнения» того времени. Поэт во многом расходился с установившимися дворянскими взглядами на людей и на события.

Даже М. Н. Покровский, ошибочная историческая концепция которого сказалась и на его отношении к Пушкину, которого он всячески старался уличить в крепостнических воззрениях, даже М. Н. Покровский вынужден был отметить, что «правым идеализатором вождя последней крестьянской революции в России был именно барин Пушкин».

Таков облик А. С. Пушкина, как обличителя крепостничества, как певца свободы для угнетенного крестьянства.

Вопреки всему строю и обществу, окружавшему его, великий поэт признавал безусловно правильным основное требование крестьянства — требование освобождения от крепостного права. Он писал: «нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян».

Облик Пушкина — свободолюбивого народного певца — с любовью хранят в своем сердце многонациональные народы Советского Союза.

Пушкин в Оренбурге

Оренбургская поездка Пушкина, совершенная им осенью 1833 года, останется навсегда поучительным памятником его высокой писательской добросовестности: задумав написать «Историю Пугачева» и исторический роман из эпохи пугачевского восстания, великий поэт не ограничился кропотливым изучением архивных материалов, которые он мог найти в столице, но предпринял утомительное путешествие в отдаленные восточные провинции, дабы ознакомиться с архивными материалами на местах и — самое главное — увидеть воочию те места, где происходили события, занимавшие его историческую любознательность и творческое воображение. Особо привлекала Пушкина возможность встретиться там с местными старожилами—современниками и очевидцами пугачевского восстания, и из-за этой возможности он не постеснялся пуститься в тысячеверстные переезды по тогдашним российским дорогам, состояние которых он с такой реалистической точностью изобразил в седьмой главе «Евгения Онегина»:

«Теперь у нас дороги плохи,
 Мосты забытые гниют,
 На станциях клопы да блохи
 Заснуть минуты не дают;

Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарной, но голодной
Для виду ирейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским печат молотком
Изделье легкое Европы,
Благосаовляя колени
И рзы отеческой земли».

Известно, что Пушкин, как политически неблагонадежный человек, вообще не был свободен в своих передвижениях по России; к тому же, с конца 1831 года, он вновь состоял на государственной службе (по ведомству коллегии иностранных дел). Вот почему, задумав поездку в восточную Россию, Пушкин должен был испросить на нее «высочайшее» разрешение. 22 июля 1833 года он написал на имя шефа жандармов Бенкендорфа следующее письмо: «Генерал! Обстоятельства вынуждают меня отправиться вскоре на 2 или 3 месяца в мос нижегородское имение. Я желал бы воспользоваться этим случаем, чтобы с'ездить в Оренбург и Казань, которых я еще не знаю. Я прошу его величество дозволить мне осмотреть архивы этих двух губерний». (Перевод с французского).

За отсутствием Бенкендсрфа, из Петербурга, Пушкину отвечал управляющий III отделением А. Н. Мордвинов письмом от 29 июля, в котором сообщал: «Его величество... из'явил высочайшую свою волю знать, что побуждает вас к поездке в Оренбург и Казань, и по какой причине хотите Вы оставить занятия, здесь на Вас возложенные?» Сохранился черновой ответ Пушкина на этот запрос царя (от 30 июля). Приводим из него несколько строж, имеющих ближайшее отношение к делу: «Может быть государю угодно знагь, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это

роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии». В ответ на это письмо Мордвинов 7 августа известил поэта: «Господин генерал-адъютант граф Бенкендорф поручил мне вас, милостивый государь, уведомить, что его императорское величество дозволяет вам, согласно «изъявленному вами желанию, ехать в Оренбург и Казань, на четыре месяца».

Известно, какое значение в творческой жизни великого поэта имели осенние месяцы:

«И каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь;
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят—я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн—таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

И забываю мир—и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута—и стихи свободно потекут...» («Осень»).

Эта роль осени в творческой жизни Пушкина объясняет, почему именно конец лета избрал он для своей поездки (имея ввиду завершить последнюю заездом в Болдино); кроме того стремлением поэта выгадать из четырехмесячного отпуска как можно больше времени для творческой работы в деревне, объясня-

ется поразительная быстрота, с какой он совершал свою поездку: Пушкин ехал днем и ночью, везя в экипаже съестные припасы и останавливаясь в городах на 2—3 дня. Выехав из Петербурга 17 августа (по старому стилю), посетив, по дороге в Москву, приятеля Вульфа и тещу в их имениях, задержавшись затем на 5 дней в Москве, Пушкин 2-го сентября приехал в Нижний, где пробыл два дня, 5-го — в Казань (3 дня с небольшим), 10-го — в Симбирск, откуда заезжал к поэту Языкову в его имение, отстоявшее в 65 верстах от Симбирска. В письме к жене, посланном из имения Языкова 12-го сентября, Пушкин писал: «Я путешествую, кажется, с пользою, но еще не на месте и ничего не написал. И сплю и вижу приехать в Болдино, и там запереться... Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора, а к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия». В ночь на 13-ое сентября Пушкин действительно выехал из Симбирска по дороге на Сенгилей, но из-за беспорядков на этой дороге, «пошумев изо всей мочи», решил возвратиться в Симбирск, чтобы выехать другой дорогой — на Сызрань, что и сделал утром 15-го сентября.

В Оренбург Пушкин приехал к вечеру 18-го сентября 1833 года. Выехав в город через северные (Сакмарские) ворота, он проехал по главной улице города до манежа (ныне театр), откуда, повернув направо, под'ехал к Неплюевскому военному училищу, бывшему на месте нынешней ВКСХШ (против госбанка), и остановился у квартиры директора этого училища инженер-капитана К. Д. Артюхова, с которым был довольно коротко знаком по Петербургу. О пребывании Пушкина у Артюхова сохранились подробные воспоминания тогдашнего кадета Иванова, записанные в 1873 г. Не свободные от некоторых неточностей, они во многом подтверждаются другими источниками, в частности, до-

рожными письмами самого поэта и потому, в основном, заслуживают доверия. Поздоровавшись с Артюховым, гость прежде всего попросил дать умыться (год был засушливый и дорога была очень пыльная), на что радушный хозяин ответил приглашением в баню, расположенную по тому же коридору и только что на-топленную. Во время раздевания в предбаннике, расписанном сценами охоты (хозяин был страстный охотник), Пушкин, на вопрос Артюхова о дороге, ответил сатирическими стихами Вяземского, несколько их видоизменив, применительно к особенностям оренбургской дороги:

«Дорога ваша—сад для глаз,
Повсюду лес, накопаны канавы,
Работы было много; много славы,
Да жаль—проезду нет подчас,
С деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша
Дорога, скажут, хороша,
Но я скажу: для проходящих».

Стихи эти, приведенные в свое время поэтом в примечании 41-ом к «Евгению Онегину», настолько подходили к окрестностям Оренбурга (к Сакмарским воротам дорога действительно шла по аллее из ивовых деревьев), что Артюхов принял их за пушкинский экспромпт и, дав присутствовавшему тут же кадету Иванову карандаш, велел ему записать их на стене предбанника, при чем Пушкин, почему-то не пожелав рассеять заблуждения, проставил знаки препинания, и на другой же день стихи были вделаны в раму под стекло. «Пока Александр Сергеевич декламировал, он стоял перед трюмо, правою рукою расправляя кудрявые волосы, а левою прикрываясь, так как был совершенно раздет. На это Артюхов заметил, смеясь:

— А видел ли ты, Александр Сергеевич, свое сейчас сходство с Венерой мелицейской?

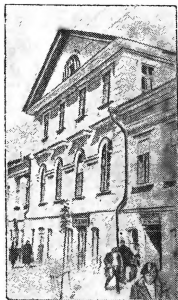
Последний взглянул в зеркало, как бы для проверки сходства, и отвечал:

— Да, правда твоя. Только ты должен вообразить ее степенство, когда она была во второй половине своего интересного положения». (Н. П. Иванов, Хивинская экспедиция 1839—40 г. Рассказы. СПб. 1873, стр. 20—22).

После бани, за чаем Артюхов развлекал гостя охотничьими рассказами, уверяя, между прочим, что вальдшнеп — благороднейшая в мире птица и, будучи смертельно ранен, не трепещется, а умирает, как герой. Пушкин впоследствии ответил ему на эту шутку присылкой экземпляра «Истории пугачевского бунта» с надписью: «Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валенштейном». (В. И. Даль. Из неизвестных материалов для биографии Пушкина, «Русская старина», 1907 г., 131).

От Артюхова Пушкин в тот же вечер сделал визит местному губернатору В. А. Перовскому, который за полгода до того был назначен в Оренбург и с которым Пушкин был хорошо знаком по Петербургу, а с его братом, Алексеем, небезызвестным литератором, состоял даже в дружбе. Нужно сказать, что Пушкин во всех посещенных им в эту поездку городах старался начинать свои сношения с губернаторов, дабы тем скорее получать нужные ему сведения и таким образом сокращать срок путешествия. Надо полагать, что Перовский, приняв знаменитого гостя, уговорил его переселиться от Артюхова к нему, что Пушкин и сделал в тот же вечер, судя по позднему официальному сообщению Перовского.

Перовский жил в то время в загородной даче, в версте от Сакмарских ворот. Дача эта, впоследствии, при учреждении Оренбургской епархии, была куплена под архиерейский дом. (Ныне на этом месте помещает-

Здание построено не позже начала XIX столетия. Дом с мемориальной доской А. С. Пушкину.

Фото В. ЕЛАГИНА.

ской улице, повешена была на нем, в свое время, без достаточного на то основания.

Переехав к Перовскому, Пушкин, вероятно, тут же сообщил ему о своем желании посетить расположенное под Оренбургом казачье селение Берды (бывшую став-

ся райсовет Кагановичского района). Дальше в своих воспоминаниях о Пушкине прямо говорит, что он «остановился в загородном доме военного губернатора». Что касается зимней квартиры губернатора (ныне дом № 36 по Советской улице), то она, повидимому, была в это время необитаема. По крайней мере, некая Воронина, прибывшая в Оренбург из Самары вскоре после приезда Пушкина, в своих письмах к самарской знакомой сообщает, что переезд губернатора с дачи на зимнюю квартиру состоялся уже после отъезда Пушкина из Оренбурга.⁴⁾ Таким образом мемориальная пушкинская доска, украшающая до сих пор фасад дома № 36 по Совет-

⁴⁾ Письма Е. З. Ворониной, «Русс. Архив», 1902, № 8.

ку Пугачева). Это можно заключить из того, что когда, на следующий день, Пушкин поехал туда, тамошний атаман, сотник Гребенщиков уже ждал гостя, сделав нужные приготовления.

Следующий день Пушкин начал письмом к жене (от 19-го сентября), в котором писал: «я здесь со вчерашнего дня. Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дня три — и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу. Что, женка? Скучно тебе? Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написал. Да нельзя, мой ангел. — Взялся за гуж, не говори, что не дюж — то есть — уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю, что же будет в постеле? Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тип московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня да и только...»

«Дурью» поэт называет здесь в шутку тот прилив вдохновения, который обычно посещал его с наступлением осени. Какими замыслами было полно его творческое воображение на пути к Оренбургу? Несомненно, что оно уже в это время работало над теми вещами, которые были созданы потом в Болдине, по возвращении из оренбургской поездки. Это прежде всего «Медный всадник», — знаменитая поэма о

петербургском наводнении, мысль о котором в эти именно дни могла поддерживаться в воображении поэта живыми впечатлениями от петербургской погоды в момент выезда его из столицы. Поэт выехал из Петербурга в такую погоду, которая обычно предшествовала серьезным наводнениям и о которой он писал жене на дачу (на Черную речку) в письме от 20 августа из Торжка: «Ты помнишь, что от тебя уехал я в сильную бурю. Приключения мои начались у Троицкого моста — Нева так была высока, что мост стоял дыбом... Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валились, я насчитал их с пятьдесят... Что-то было с вами, петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения? Что если и это я прогулял? Досадно было бы...»

Утром же 19-го сентября за Пушкиным заехал к Перовскому на дачу третий его оренбургский знакомец — знаменитый впоследствии лексикограф Даль, который в то время служил в Оренбурге чиновником особых поручений при губернаторе и к моменту приезда Пушкина только что вернулся из служебной командировки по краю. Пушкин встречался с ним в Петербурге, был с ним в приятельских отношениях и более приятного проводника по Оренбургу и его окрестностям поэту было, конечно, не найти. Сначала они поехали в город, где Даль показал Пушкину все оренбургские достопримечательности, в частности, те из них, что были связаны с воспоминаниями о Пугачеве. Они осмотрели георгиевскую церковь в казачьем предместье (Форштадт), с паперти и колокольни которой Пугачев бомбардировал город; остатки земляных работ, при-

А. С. Пушкин и В. И. Даль в Бердах.
Картина худ. А. Ф. Степанова, Оренбург (репродукция Малкина).

писываемых преданием Пугачеву (против сев.-вост. части крепости) и Зауральную рощу, откуда пугачевцы пытались однажды по льду штурмовать город, не имевший стены и бастионов вдоль обрывистого берега реки. Кроме того, Пушкин был в уездном училище, помещавшемся недалеко за Неплюевским, по другую сторону троицкой церкви (недавно снесенной). Об этом рассказывает генерал Чернов, который тогда, в возрасте 8 лет, только что поступил в это училище. Поэт разговаривал с учениками и самого Чернова о чем-то спросил. (Труды Оренб. ученой архивной комиссии, вып. XVIII: «Записки ген. И. В. Чернова»).

Затем Пушкин и Даль, вместе с Артюховым, отправились в Берды. Это было наиболее существенным моментом в оренбургской поездке поэта. По дороге Даль рассказал очень насмешливый Пушкина анекдот о том, как Пугачев, взяв Берды, вошел в полную народу церковь, прошел прямо в алтарь и сел на престол со словами «Как давно я не сидел на престоле». Потом, как вспоминал впоследствии Даль, дорожный разговор перешел на литературу, при чем Пушкин «воспламенился в полном смысле слова», коснувшись Петра великого, говоря, что, кроме исторического труда о нем, создает и художественные «в память его» произведения: «Я еще не мог доселе постичь и обнять умом этого исполина: он слишком огромен для нас, близоручих, и мы стоим еще к нему близко,—надо отодвинуться на два века,—но я постигаю его чувством; чем более я его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надо торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это ис-

правит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сделаю!..» (Воспоминания Дая, «Русс. вестник», 1890 г. кн. 10).

По приезде в Берды Пушкин под'ехал к дому, где атаман, получивший, повидимому, заблаговременно соответствующее распоряжение от губернатора, собрал сколько мог стариков и старух. Некто Кайдалов, присутствовавший при этом, так описывает посещение поэта: «Одет он был в сюртук, плотно застегнутый на все пуговицы; сверху шинель суконная, с бархатным воротником и обшлагами, на голове — измятая поярковая шляпа. На руках — левой на большом, а правой на указательном пальце — по перстню. Ногти на пальцах длинные, лопатками. В фигуре его и манерах было что-то чрезвычайно оригинальное. По входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную книжку и начал расспрашивать стариков и старух, и их рассказы записывал в книжку. Одна старушка, современница Пугачева, много ему рассказала и спела или проговорила песню, сложенную про Пугачева, которую Пушкин и просил повторить. Наконец расспросы кончились, он встал, поблагодарил Гребенщикова и стариков, которым роздал несколько серебряных монет, и отправился в Оренбург». (Труды Оренб. учен. архив. комиссии, вып. VI).

Старушка — «современница Пугачева» — это была 75-летняя бердинская казачка Бунтова, о которой в воспоминаниях Дая, читаем: «В Бердах мы отыскивали старуху, которая знала, видела и помнила Пугачева. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугачева, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, что-

бы отвлечь всякое подозрение и обмануть кладонискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это — простая могила. Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец».

Вернувшись из оренбургской поездки в Болдино, Пушкин в письме от 2-го октября писал жене: «В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я ипе вопне fortune (т.-е. большую удачу Н. Пр.) нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобой помним 1830 год. Я от нее не отставал, виноват: и про тебя не подумал. Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и потом к тебе с добычею».

Бунтова была родом из Нижне-Озерной и рассказывала Пушкину, как очевидно, о взятии этой крепости Пугачевым, о присяге ему, о расстреле комендантши Харловой и ее брата, пропела ему три песни о Пугачеве, которые с ее слов записывала потом упомянутая выше Воронина, приезжавшая вслед за Пушкиным в Берды, чтобы узнать от самой Бунтовой, что именно она рассказывала и пела поэту. Рассказы Бунтовой произвели на Пушкина сильное впечатление своей свежей живостью, вну-

На снимке: Акулина Тимофеевна Байнова — участница разговора с А. С. Пушкиным.

шающей доверие; их он почти целиком использовал затем в «Капитанской дочке» (описание внутренности «дворца» Пугачева в Бердах, в главе «Мятежная слобода») и в «Истории Пугачева» (в III главе о том, как судил Пугачев в Бердах, о расстреле Харловой и ее брата).

Интересно, что суеверным старикам и старухам гость показался несколько подозрительным. Как свидетельствует Кайдалов, Пушкин «вошедши в комнату, не снял шляпы и не перекрестился на иконы и имел большие ногти; за то его прозвали «антихристом»; даже некоторые не хотели принять от него деньги (которые были светленькие и новенькие), называя их антихристовыми и думая, что они фальшивые. Об этом обстоятельстве сообщил мне И. В. Гребенщиков». (Труды Оренб. учен. архив. комиссии, вып. VI).

Подобная подозрительность и осторожность вызывалась не одной лишь темнотой и суеверием казаков — «староверов», но также и живыми воспоминаниями о том свирепом правительственном терроре, который последовал в свое время за ликвидацией пугачевского восстания и обрушился в первую очередь на мятежных жителей пугачевской ставки. На этой почве произошло одно курьезное недоразумение, о котором рассказывает Даль: «Мы уехали в город, но червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце; но еще менее постигали они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным: чтобы-де после не отвечать за такие разговоры, чтобы опять не дожить до греха да напасти! И казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметами:

собой не велик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти. Пушкин много тому смеялся».

По возвращении из Берд Пушкин обедал у Перовского. Надо заметить, что обеды у губернаторов как бы входили в программу путешествия Пушкина. «Поступал он так, — полагает Д. Н. Соколов, автор работы «Пушкин в Оренбурге» (Петроград, 1916 г.), — может быть, не без умысла, желая показать этим недоверчивой публике тогдашней провинции, что он ездит и производит расследования с ведома и при содействии администрации, а не с какими-либо нелойальными целями». Как использовал Пушкин время от обеда до вечера, остается недостаточно выясненным. Вечером же Пушкин приехал к Далю, у которого и просидел до глубокой ночи. По свидетельству Ворониной, «М-те Даль рассказывала, как всем дамам хотелось видеть Пушкина, когда он был здесь... Две ее знакомых барышни узнали от нее, что Пушкин будет вечером у ее мужа и что они будут вдвоем сидеть в кабинете Далья. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забралась в сад, влезли на это дерево и из ветвей его смотрели на Пушкина, следили за всеми его движениями, как он от души хохотал; но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойные».

Вторую ночь своего пребывания в Оренбурге Пушкин провел также у Перовского, в его загородной даче. Утром 20-го сентября он проснулся, разбуженный громким хохотом хозяина. Оказалось, что нижегородский губернатор Бутурлин, принимавший Пушкина довольно радушно, прислал своему оренбургскому коллеге письмо такого содержания: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но дол-

жно признаться, никак не верю, чтобы он раз'езжал за документами о Пугачевском бунте; должно быть ему дано тайное поручение собрать сведения о несправностях. Вы знаете мое к Вам расположение; я почел долгом посоветовать, чтобы Вы были осторожнее². Известный в свое время пушкинист П. Бертенев полагал, что именно тогда зародился у Пушкина сюжет «Ревизора», который, как общеизвестно, передал он Гоголю. Об этом же говорит в своих «Воспоминаниях» и В. Сологуб: «Пушкин познакомился с Гоголем и рассказал ему про случай, бывший в г. Устюжине Новгородской губернии, с каким-то проезжим господином, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей. Кроме того, Пушкин, сам, будучи в Оренбурге, узнал, что о нем получена гр. В. А. Перовским секретная бумага, в которой последний предостерегался, чтобы был осторожен, так как история пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был «Ревизор», коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом». (В. Сологуб, «Воспоминания», 1931 г., стр. 516). Если все это действительно так, то Оренбург, давший материал для лучшей повести на русском языке, может похвастаться и тем, что послужил, как сказать, колыбелью и лучшей русской комедии, вышедшей, кстати сказать, в одном году с «Капитанской дочкой» — в 1836 г., т. е. ровно сто лет тому назад.

20-го сентября Пушкин выбыл из Оренбурга в Уральск (б. Яицкий городок, в окрестностях которого зародилось и началось пугачевское движение). Таким образом Пушкин пробыл в Оренбурге неполных двое суток. Выехал он, повидимому, утром, так как Воронина, приехавшая в Оренбург 20-го числа «часа в два пополудни», Пушкина «уже не застала в городе».

Следуя в Уральск по правой стороне Урала, Пушкин не мог не обратить внимания на окрестности Татищевой (54 версты от Оренбурга), где произошла решительная битва Пугачева с войсками князя Голицина и Мансурова. Эту станицу Пушкин должен был проехать засветло, а потому не мог не заметить неподалеку от дороги «Белую» (меловую) гору, чем и объясняется название Белогорской крепости в «Капитанской дочке», по положению соответствующей Татищевой.

Пушкин совершал свою поездку по восточным провинциям с такой быстротой, что намного опережал движение канцелярских бумаг. На этой почве произошел один любопытный эпизод. Как известно, с 1828 г. в связи с делом о стихотворении «Андрей Шенье», за Пушкиным, по «высочайшему» повелению, был учрежден секретный полицейский надзор. Поэтому петербургский полицмейстер, по случаю отъезда Пушкина на восток, послал уведомление об этом нижегородскому губернатору, который в свою очередь от 9-го октября (т. е. когда Пушкин был уже в Болдине!) уведомлял оренбургского губернатора: «С.-Петербургский обер-полицмейстер от 20-го сентября уведомил меня, что... был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта титулярного советника Пушкина, который 14 сентября выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии. Известясь, что он, Пушкин, намерен был отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернии, я долгом считаю о вышесказанном известить Ваше превосходительство, покорнейше прося, в случае прибытия его в Оренбургскую губернию, учинить надлежащее распоряжение о учреждении за ним во время его пребывания в оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его». Бумага эта была получена в Оренбурге 23-го октября и Перовско-

му ничего не оставалось, как наложить на ней следующую пометку: «Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он остановился в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических разысканий». («Русская старина», 1883 г. т. 37, стр. 78).

Из Уральска через Сызрань и Симбирск (со вторичным заездом к Языкову) Пушкин направился в Болдино, куда и прибыл 1-го октября.

Оренбургская поездка дала Пушкину много. Помимо того, что рассказали ему бердинские старожилы и особенно казачка Бунтова, поэт несомненно многое почерпнул из разговоров о местной старине и с теми оренбуржцами, с которыми он общался, и больше всего, конечно, из разговоров с таким прирожденным и высококультурным краеведом, каким был Даль. Кроме того, не мало дало Пушкину личное созерцание оренбургских окрестностей и оренбургского степного пейзажа. Великий художник-реалист Пушкин искал в своей поездке красок для задуманной им исторической повести, и эти краски он нашел здесь в изобилии. Весь местный колорит, который имеется в «Капитанской дочке» и который сообщает ей такую подлинность, есть результат непосредственных впечатлений поэта и взят, так сказать, из первоисточника. Нужно, впрочем, отметить, что «Капитанскую дочку» Пушкин написал не сразу по возвращении из поездки, а три года спустя. Это нередко бывало в творческой практике Пушкина — начинать писать лишь тогда, когда материал окончательно вылежится в памяти и отработается в воображении.

В Болдине же Пушкин¹ работал над «Историей Пугачева», каковую и закончил там вчерне. Он так и писал Бенкендорфу (в письме от 6-го декабря 1833 г.): «Я думал некогда писать исторический роман, относящийся ко временам Пугачева, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал «Историю пугачевщины». — «Вымысел» же был реализован в 1836 году. Кроме «Истории Пугачева», Пушкин, за полтора месяца пребывания в Болдине, создал несколько своих поэтических шедевров: «Медного всадника», «Анджело» (поэма, которую сам Пушкин расценивал необычайно высоко: «ничего лучше я не написал»), «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях» и проч. Вообще говоря, болдинская осень 1833 года оказалась для Пушкина очень продуктивной, — недаром пушкинисты называют ее «второе Болдино» (по сравнению с знаменитой болдинской осенью 1830 года). И возможно, что оренбургская поездка сыграла здесь свою положительную роль. Пушкин, вообще любивший дорогу, несомненно развлекся и отдохнул за поездку, и она, возможно, вдохновила его на очередной взлет творческой фантазии.

Больше того, автор работы «Пушкин в Оренбурге» Д. Н. Соколов находит некоторые основания говорить об отражении оренбургских впечатлений в «Медном всаднике».

Известно, что в «Медном всаднике» содержится скрытая полемика с Мицкевичем, именно с его только что опубликованными тогда стихотворениями «Памятник», «Друзьям-москалям» и «Олешкевич», тексты которых наспех записаны Пушкиным в той самой тетради, где далее следуют черновики из «Медного всадника», набросанные в октябре 1833 г. В Оренбурге в то время было много ссыльных интеллигентных поляков, которые пользовались симпатиями местного об-

щества и всюду были приняты ¹⁾. Весьма возможно, что Даль, которому Пушкин развивал свои мысли о Петре, знал от ссыльных поляков и мог сообщить Пушкину о новых произведениях Мицкевича, касавшихся так близко его темы, и «мог даже достать ему на время рукописный или печатный экземпляр, из которого поэтому Пушкин и мог торопиться переписать, тотчас по приезде в деревню, то, что хотел перевести, и то, на что хотел отвечать». (Соколов).

Наконец, есть некоторое основание полагать, что характерное для языка «Медного всадника» обилие «простонародных» слов и руссизмов («прозвание» вместо «фамилия», «медная шапка», вместо «каска», «пятое жильё» вместо «пятый этаж», руссифицированные названия Петербурга — «Петра творенье», «Град Петров», греческая форма «Петрополь» вместо немецкой и т. д.) навеяно общением Пушкина с Далем, который был известным руссофилом и обычно с фанатизмом проповедывал всем простонародный русский язык. В своих воспоминаниях он не рассказал, о чем он беседовал с поэтом, когда последний был у него вечером 19-го сентября, но можно не сомневаться, что он и ему, как позже (в 1837 г.) Жуковскому, развивал свою теорию. Весьма вероятно, что Пушкин воспринял кое-что из его проповеди. По крайней мере, написал «Сказку о рыбаке и рыбке», Пушкин послал экземпляр ее Дально с посвятительной надписью: «Твоя от твоих».

Таким образом значение оренбургской поездки Пушкина выходит далеко за пределы того, что она могла дать ему специально для темы о Пугачеве.

¹⁾ В том числе известный друг Мицкевича—Фома Зан.

26 мая 1899 года в Оренбурге.

О том, как праздновалось столетие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина в Оренбурге, сохранилось очень мало сведений. Но судя по материалам ученой архивной комиссии и по прессе того времени, торжества никакого не было. Кое-кто из членов комиссии пытался день 26 мая 1899 года сделать «все-народным праздником». Однако, очень скоро стало ясно, что целый ряд причин помешали этому. Причины оказались очень серьезными. Устранить их не в силах были не только члены комиссии, но и сам самодержавный строй. Великая для русского народа дата не только не стала «всенародным праздником», она не стала даже более или менее крупным общественным событием. Во всяком случае, в печати больше уделялось внимания, скажем, приезду архиерея, чем популяризации творчества величайшего русского поэта—печать всегда была и остается, в известном отношении, отражением общественных интересов.

Сейчас, накануне печальной даты — столетия со дня смерти А. С. Пушкина, — наш народ с огромной любовью и вниманием изучает произведения поэта.

Он изучает этапы жизни его, стараясь полнее и ярче представить замечательный облик великого человека. Это внимание вызвало отклики за границей. Сейчас нет ни одной культурной страны, которая бы не готовилась к 10 февраля 1937 года. Это показательно. Великий народ, создавший величайшую революцию, сейчас стоит в центре мирового внимания. Пусть результаты этого внимания различны. Пусть одни злопыхательствуют, клеветают на нас. Но во всем мире народ Советского Союза становится образцом великого преобразователя жизни. Естественно, что и поэты его становятся почетными гостями у друзей нашей страны.

Ничего подобного не было накануне столетнего юбилея 38 лет тому назад. Ничего подобного не было за границей, потому, что в царской России Пушкин и его чудесное творчество мало было известно широчайшим массам. И кроме того, учебники царских школ пытались создать образ не вольнолюбивого, не жизнелюбивого поэта, а квасного патриота, который, однако, в молодости слегка-де поспорил с царем. Но внимание де царя избавило поэта от «заблуждений» юности. Такой образ поэта не мог пользоваться народной любовью. Он был чужд и народам других стран. Но Пушкин не был квасным патриотом и ученым царской России не удалось спрятать живого Пушкина от масс.

25 января протоколист оренбургской ученой архивной комиссии засвидетельствовал, что «господин председатель предложил на обсуждение вопрос о праздновании столетия со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина, причём, заявил, что он уже получил согласие на написание и прочтение речей от гг. Лисицина, Бутовского, и Соколова. При этом Н. Г. Иванов доложил, что преподаватель пения 2-го

оренбургского кадетского корпуса Н. А. Федотов выражает полную готовность принять на себя труд подготовки вокальной части предполагаемого чествования».

После этого было решено создать «особую комиссию», которая впоследствии стала называться пушкинской. В этом же протоколе записано, что следует «обратиться к старожилам г. Оренбурга (Н. Бекчурину, Н. В. Чернову, помещице Тимашевой, И. Е. Рогожину и др.) с просьбой не отказать сообщить комиссии, не сохранилось ли у них каких либо записок, преданий или иных сведений и вещественных памятников о времени пребывания Пушкина в Оренбургском крае».

Ф. Н. Лебедев сообщил, что в бывшем имении писателя П. А. Катенина, дружившего с Пушкиным, должна быть огромная библиотека. Возможно, что там имеются какие-либо письма или записки поэта. Комиссия решила обратиться к бывшему управляющему имения Черногоубову и «просить его указать все относящееся к Пушкину и хранящееся в названном имении».

15 марта «заслушано письмо коллежского секретаря Я. Н. Черногоубова от 5 марта с.-г. о том, что библиотека, бывшая в имении г. Катенина, пожертвована наследниками его чухломскому земству; по справке же в этой библиотеке никаких рукописей или писем, принадлежащих П. А. Катенину, не найдено, а также и книг, в которых были бы надписи А. С. Пушкина, не имеется».

Словом, судя по протоколам комиссии, не удалось найти ни одного документа или вещи, связанных с пребыванием поэта в Оренбурге.

Второй вопрос, серьезно занимавший членов комиссии, касался дома, где останавливался поэт в Оренбурге.

25 января «Н. Г. Иванов сообщил, что существуют предания, будто императоры Александр I и II, а также и Пушкин во время пребывания в Оренбурге, останавливались в доме против церкви вознесения, ныне принадлежащем г. Ладыгину».

Первого февраля «Н. Бекчурин удостоверил», что А. С. Пушкин жил в доме И. В. Ладыгина, в котором была квартира графа В. А. Перовского. «Таким образом, становится вполне достоверным место пребывания Пушкина во время кратковременного пребывания его в Оренбурге».

После этого комиссия обратилась к Ладыгину с просьбой разрешить прибить мемориальную доску на его доме. Ладыгин «изъявляет полное свое согласие и желание на прибитие на дом его доски». Но возникает вопрос о деньгах. Комиссия была очень бедна. Средства не позволяли заказать доску. В силу этого, комиссия решила «просить городскую думу, не признает ли она возможным изготовить означенную доску, при чем, редакция надписи остается за комиссией».

23 марта дума отпустила «из запасного капитала в распоряжение комиссии 300 рублей, из которых 200 рублей на издание трудов, касающихся пребывания А. С. Пушкина в Оренбургском крае и 100 рублей на изготовление мраморной доски».

Эти 300 рублей были основным финансовым фондом для «всенародных торжеств». Сумма мизерная. Вскоре мы увидим, что комиссия придет к выводу о невозможности устроить более или менее массового торжества. Но первые два месяца 1899 года она деятельно обсуждала различные вопросы, касающиеся чествования памяти поэта.

Уже 31 марта действительный член комиссии П. В. Жуковский приложил к протоколу «особое мнение». Оно настолько характерно и любопытно в наши дни, что его следует привести возможно полнее. Тем более, что оно не нуждается в комментариях.

«Считаю необходимым пополнить протокол № 6 следующими замечаниями:

I. Ходатайство перед оренбургской городской думой о пожертвовании 200 рублей на издание трудов комиссии и 100 рублей на изготовление доски возбуждено по личному почину г. председателя комиссии генерал-майора П. П. Бирк, без ведома и уполномочия на то со стороны архивной комиссии; обстоятельство это является тем менее понятным, что заседания комиссии за последнее время посвящаются исключительно почти текущим делам вплоть до докладов всех входящих бумаг, чтения незаконченных черновиков, прошений и сообщений о нахождении в частных руках старинных гривенников.

«Принятие этого пожертвования налагает на комиссию обязательство и с своей стороны дать что либо городскому населению, ознаменовать чем либо юбилейный день. Обязательства этого комиссия не имеет возможности выполнить. Действительно, предположенный к изданию юбилейный сборник «Пушкин в Оренбурге» по характеру своему не может иметь широкого распространения, не может быть распространяем в народе; следовательно и цель ассигнования думой общественных денег не будет этим путем достигнута. Да и помимо того, по содержанию своему сборник этот не может представлять особого интереса для «большой публики».

Смысл заявления Жуковского ясен. Жуковский боялся, что опубликование одних только документов о цели посещения Пушкиным Оренбурга для «большой

публики» неинтересно. Народ безграмотен, а привилегированные классы населения будут шокированы тем, что Пушкин очень серьезно интересовался революционным движением крестьянства. Этот интерес плохо совместим с царским «каноническим образом» поэта. Возможно, что последуют неприятности для комиссии. Поэтому не лучше ли самоустраниться от юбилея? Жуковский против даже невинного концерта с пением, музыкой и чтением в память поэта.

П. В. Жуковскому отвечал другой член—С. Н. Севастьянов. Он не боялся поэта. Он слишком был уверен в том, что живой Пушкин хорошо спрятан от читающей публики. С. Н. Севастьянов обращается к газетным сведениям о том, что к юбилею готовятся не только в Оренбурге, но и в других городах России. Поэтому он предлагает подготовку расширить и приобретать все пушкинские издания, связанные с юбилеем. Комиссия соглашается с Севастьяновым.

Так кончилось любопытное выступление П. В. Жуковского.

7 апреля состоялось первое заседание пушкинской комиссии. Комиссия решила «просить совет старшин общественного собрания уступить залу собрания на вечер 26 мая. Просить неперменного попечителя комиссии опубликовать во всеобщее сведение о назначении 26 мая заупокойной литургии в казанском кафедральном соборе, а также просить г. председателя комиссии обратиться к преосвященному Владимиру с просьбой отслужить литургию». Затем утвердили текст мемориальной доски: «Здесь жил поэт А. С. Пушкин в сентябре 1833 года»

Далее постановлено:

«Представить на усмотрение очередного собрания архивной комиссии нижеследующую программу торжественного заседания 26 мая.

«Первое отделение: царский гимн. Пение кантаты, посвященной Пушкину. Чтение реферата Ф. М. Лисициным. Чтение сведений, собранных на месте об А. С. Пушкине в Оренбургской губернии. Антракт 10 минут, во время которого оркестр исполнит пьесу, посвященную памяти Пушкина.

«Второе отделение: пение. Речь Г. А. Соколова, чтение произведений Пушкина. Стихотворение Н. Г. Иванова «Памяти Пушкина». Пение «Слава».

Ко времени составления этой программы торжеств, оказавшейся далеко не программой всенародного праздника стало ясно, что сборник «Пушкин в Оренбурге» не будет издан. Предложение об организации пушкинской выставки не будет осуществлено. Новых документов о пребывании Пушкина в Оренбурге достать не удалось. Словом, даже та скромная программа скромной подготовки, которая была намечена в январе, оказалась комиссии не по силам.

О самом торжестве красноречиво рассказывает протоколист комиссии. 27 мая на торжественном заседании присутствовало всего лишь 10 членов комиссии и 50 гостей.

«Открывая заседание, председатель объявил, что оно будет посвящено исключительно чествованию памяти великого русского поэта Пушкина и предложил Н. Г. Иванову прочесть его стихотворение «А. С. Пушкин», по прочтении членами Бибиным и Севастьяновым, при звуках туша был на бюст поэта возложен венок с надписью на ленте «Оренбургская ученая архивная комиссия А. С. Пушкину 26 мая 1899 года». Затем Ф. М. Лисицин прочел речь «Обзор художественной деятельности А. С. Пушкина», покрытую рукоплесканиями гостей. После речи Ф. М. Лисицина председатель объявил перерыв на 10 минут. Во время перерыва оркестр исполнил пьесу из «Пиковой дамы». За-

гем по открытии заседания Г. А. Соколов прочел речь «Капитанская дочка», как завершение реального направления в поэтическом творчестве А. С. Пушкина». Речь Г. А. Соколова также вызвала взрыв рукоплесканий гостей.

«Затем Н. Г. Иванов прочел речь «Пушкин в Бердах». После речи Н. Г. Иванова оркестр исполнил «боже, царя храни».

60 чествователей никак не могли заменить «народное торжество». Правда, в соборе была панихида, в школах читали стихи, а в театре были поставлены отрывки из «Бориса Годунова». В этих торжествах приняли участие очень немногие жители Оренбурга. В губернии, в селах и уездах, панихиды и «говорение речей», как выражается репортер газеты «Оренбургский листок» отклика не нашли. «Народ безмолвствовал». Тот же репортер не без горечи и яда писал: «Таким образом городское общественное управление (дума) чествование Пушкина предоставило учащимся детям. И то хорошо!».

50 лет со дня смерти Пушкина

Накануне пятидесятой годовщины гибели А. С. Пушкина в газете «Оренбургский листок» появилась большая редакционная статья о том, как следует отметить такую знаменательную дату. Редакцию этой газеты взволновали публицисты монархической московской газеты «Новое время». Эти последние заявили, что годовщину смерти поэта подобает отметить только панихидой «по убиенному болярину Александре» Оренбургские газетчики возмутились. Они задали вопросы московским собратьям такого, примерно, порядка:

— Почему по любому смертному россиянину справляются не только панихиды, но и поминальные обеды? Почему такие обеды не должны устраиваться «по солнцу поэзии» — Александре Сергеевиче Пушкине?...

«Русский народ, — заявляет редакция «Оренбургского листка», — привык к поминальным обедам. Это — чисто национальная черта, чисто национальный обряд. Его могут отрицать только... «интеллигенты».

Редакция «Листка» так пишет в защиту своей точки зрения: когда раздается «звон заздравных чаш — мы не имеем целью охмелеть, а желаем выразить на-

ше уважение тому, в честь кого подымается заздравная чаша».

Повидимому, редакцию прельщала возможность выпить «в честь» великого певца. Ей было трудно согласиться с «трезвенниками» из «Нового времени». Но наш читатель хорошо поймет, что дело шло не только о «выпивке». Может быть редакция «Листка» действительно хотела выпить в память «великого поэта», но «Новое время» стремилось к тому, чтобы дата убийства поэта прошла как можно незаметней. Монархисты отлично понимали, что пропагандировать Пушкина им, невыгодно. Великий русский поэт всю жизнь боролся с самодержавием. Так или иначе эта борьба должна была всплыть, если общественность искренно и пристально заинтересуется биографией Пушкина.

Посвятив больше трех четвертей статьи спору о законности поминального обеда в день пятидесятилетия со дня убийства Пушкина, газета рассказывает, как этот день будет отмечен в Оренбурге.

«Оренбург со своей стороны не отстает от других городов России и, как нам известно, готовят свои поминальные оваии великому поэту, тем более, что Пушкин знаком Оренбургу, так сказать, лично. Наше оренбургское торжество начнется заупокойной молитвой в соборе и во всех средних учебных заведениях, в которых учащиеся, освобожденные от урочных занятий с 12 часов, выслушают чтения о Пушкине и сами примут участие в торжестве при чтении отрывков и небольших пьес из сочинений Пушкина. В частности, ученицы женской гимназии купили уже в складчину бюст поэта и украсят его в дни торжества венками. В городском театре антрепренер Н. С. Вехтер с артистами своей труппы дадут пушкинский спектакль из пьесы бессмертного поэта с апофеозом бюста... Хорошо было бы в 29 день января устроить также хотя поминальный обед в общественном собрании по подписке...»

После полемической статьи в «Листке» появилась хроника о пушкинских днях в Оренбурге.

Репортер пишет, что состоялась панихида, «говoreние речей» и чтение стихов в средних учебных заведениях.

Так оренбургская офицерская и чиновничья публика отметила пятидесятилетие со дня смерти великого русского поэта.

Пушкин в народе

...Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

А. Пушкин.

И этот слух прошел. Гениальное предвидение величайшего русского поэта сбылось. Нет в нашей необъятной стране такого уголка, нет такой национальности, где бы не знали, где бы не читали и не любили Пушкина. В своих произведениях Пушкин достиг величайшей простоты. Всеми корнями своего творчества Пушкин входит в народные массы. Богатейшие темы произведений он черпал в народе.

Пушкин чувствовал себя европейцем, гражданином всего мира и в то же время в полном смысле слова был национален. Русская действительность начала XIX века, со всеми ее противоречиями, как в зеркале, отразилась в произведениях поэта. И нет ничего удивительного, что наш освобожденный многомиллионный народ достойно оценил Пушкина. Полюбил его и сделал своей национальной гордостью.

Создатель русской литературы, если-бы он мог видеть, какой славой, какой популярностью, какой любовью пользуются его произведения в самых широчайших массах народных Советской страны!

Седовласая гвардия ученых, советская молодежь, шумливая детвора, люди разных профессий зачитываются гениальными творениями поэта. Его произведения — это история, это — культура, это — отдых, это — знания, это великий источник радости и жизненной силы.

Вся страна напряженно готовится к столетию со дня смерти Пушкина. Деятельно готовится и наша Оренбургская область. Ведь сто четыре года тому назад Александр Сергеевич Пушкин, проезжая по следам пугачевского восстания, посетил Оренбург и казачью станицу Берды.

Казачья станица Берды. Это как раз то самое место, которое во времена Пушкина называлось «чертовы кулички». Да мало-ли было в царской России таких «чертовых куличек»? Но как изменился облик станицы с тех пор, как выросли люди, совершенно непохожие на забитых, угнетенных рабов! Исчезли «чертовы кулички». И жители станицы Берды по-праву гордятся историей своей станицы, в которую вписана страница: «Здесь был Пушкин».

В ознаменование великого пушкинского юбилея, бердинские жители первыми в области развернули соревнование сельсоветов по ликвидации неграмотности. В одном из пунктов договора о соревновании станичники так и записали: «К столетию со дня смерти Пушкина в станице Берды не будет ни одного неграмотного. Каждый житель будет сам читать стихи Пушкина».

Этот, кажется незначительный, штрих красноречиво говорит о том, какие благородные порывы возбуждает в народе Пушкин.

В декабре, в Бердах, проводился пушкинский кино-фестиваль, открылась библиотека имени Пушкина. С каждым днем увеличивается количество читателей библиотеки. Вот, чабан колхоза «Ленинский луч», Алексей Пастухов, еще не успел окончить ликбез, но ежедневно его можно видеть в библиотеке, склонившимся над томиком Пушкина. Завсегдатай библиотеки колхозник Алексей Звонарев. А Николай Лобов только что научился читать, первый раз пришел в библиотеку, взял брошюру о луне и солнце, программу ленинского комсомола и... стихи Пушкина.

В начальной школе ученики выучили несколько пушкинских стихов, переложенных на музыку, и поют их хором. Школьники художники рисуют портреты Пушкина и иллюстрации к его стихам.

Интерес к творчеству Пушкина растет с каждым днем. Послушайте, что говорит знатный колхозник Петр Львович Мельников:

«В нашей станице не только молодежь, но и старики интересуются Пушкиным. Часто собираемся вечерами, и мы, старики, рассказываем молодежи, что сами помним и что слышали от наших отцов и дедов о Пушкине и Пугачеве».

Но загляните в другие села и колхозы, где не был Пушкин.

Мустаевка — районный центр. В библиотеке проведено свыше 10 громких чтений произведений Пушкина. Здесь не пропускают ни одной литературной пушкинской страницы, помещенной в «Оренбургской коммуне». На чтение Пушкина собираются колхозники, агрономы, учителя, служащие и даже дети.

В Илецке проведена пушкинская олимпиада художественной самодеятельности. Кукольный театр поставил для детей монтаж из пушкинских сказок.

В Бугуруслане, Шарлыке, Покровке, Сакмаре, Беляевке, Платовке, Халилове колхозно-совхозные самодеятельные театры подготовили отрывки из «Бориса Годунова», «Скупого рыцаря», «Цыган». Для партийного актива читаются лекции о Пушкине, в литературных кружках изучают Пушкина, в школах издаются газеты и журналы, посвященные Пушкину, устраиваются пушкинские вечера.

Рассказы о живом Пушкине по всей области передаются из уст в уста. Вот, ученица 6-го класса, 33 средней школы (Оренбург), Маруся Дрягалова, любовно рассказывает своим соученикам слышанное от своего отца, который знал конюха Пушкина — деда Михея в селе Болдино, в имении отца Пушкина.

«Дед Михей любил рассказывать об Александре Сергеевиче Пушкине. Поэт часто шутил над дедом, что он любит кашу, но никогда не обижал деда. Михей часто ездил с Пушкиным на охоту...»

В школах и других организациях Оренбурга систематически проводятся литературные вечера, беседы о Пушкине, громкие чтения. В библиотеках школ книги Пушкина никогда не бывают на полках. Читатели им не дают залеживаться.

Клуб имени Ленина организовал семинар чтецов Пушкина, устраивает лекции, беседы.

— Мы учимся у Пушкина любить жизнь и ненавидеть врагов, как их ненавидел сам поэт, — так заявляет сольилецкий колхозник тов. Марченко.

В соль-илецком клубе шахтеров проводятся лекции не только о творчестве Пушкина, но еще и на такие темы, как «Пушкин и николаевская Россия» и другие.

А вот колхозники села Саратовка, Соль-Илецкого района, специально командировали в город колхозника Алексея Безбородова за стихами Пушкина.

Большое и почетное место занимает Пушкин в национальных районах Оренбуржья. В книжные магазины Оренбурга все чаще заходят колхозники-казахи из селений Буртинского, Буранного и других и требуют книги Пушкина на казахском языке. На днях появилось в магазине 90 книг Пушкина на казахском языке — их разобрали в течение трех дней.

Областной татарский театр приобретает пьесы Пушкина на татарском языке.

Трудно рассказать в небольшой статье, какими путями величайший русский классик уверенно входит в быт народов, населяющих нашу родину. Неоспоримо одно, что классическая литература занимает прочное место в быту народа. И первое место здесь по праву принадлежит великому народному поэту А. С. Пушкину.

„Здравствуй, племя младое, незнакомое“

В одной из школ Оренбурга, перед многочисленной юной аудиторией, выступала приглашенная кем-то на школьный вечер артистка эстрады. Она читала вступление к «Медному всаднику». Появление на сцене взрослой артистки было встречено тепло и радушно. Но первые же прочитанные ею строки вызвали неодобрительный ропот.

Артистка читала:

«На берегу пустынных волн,
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль смотрел».

Нарушив правила приличия, позабыв о своей роли гостеприимных хозяев, кто-то недовольно буркнул, — «неверно — не смотрел, а глядел... У Пушкина так», — добавил он, когда оторопевшая на секунду артистка запнулась.

Неправильно произнесенное слово стиха прозвучало диссонансом. Пушкинский такт оказался хорошо знаком ребятам, и они не позволили его исказить.

Этот маленький эпизод на школьном вечере отражает очень отрадное явление наших дней. В школах читают, изучают, привыкают любить художественную литературу.

Нечего греха таить. Кое-где среди преподавателей еще не изжили «теории» вульгарных социологов в лигературоведении, которые пытаются сводить всю сложность и значение творчества того или иного писателя к простейшей классовой характеристике эпохи, а самого писателя характеризуют, как выразителя интересов той или иной социальной группы общества. Это не стоит больших трудов, не требует много времени. К этому же вдобавок толкали в свое время педагога наркомпросовские программы по литературе.

Даже великому поэту русского народа Александру Сергеевичу Пушкину отводилось в школьных программах до обидного мало места. Не удивительно поэтому, что, кончая среднюю школу, молодежь часто знала только кое-что о Пушкине и почти ничего из его богатого литературного наследства. Живой, великий Пушкин, с горячим вдохновенным сердцем, с дыханием жизни в каждой строке слишком долго скрывался от учащихся под хрестоматийным глянцем и ветошью формулировок вульгарных социологов.

Зато теперь, когда вся страна, готовясь отметить скорбную дату столетия со дня смерти поэта, поднимает его имя, как знамя неугасимой борьбы за овладение знаниями и культурой, — миллионы советских школьников близко познакомились с Пушкиным и полюбили его.

Сегодняшним приветом звучит в школах пушкинское слово:

— Здравствуй, племя
Младое, незнакомое,

Как-бы в ответ ему счастливая детвора и молодежь Советской страны посвящает сотни своих творческих работ памяти поэта. Пушкин пробуждает жажду знаний, любовь к искусству, к красоте. Вот почему так многообразна инициатива школьников в подготовке к пушкинским дням.

В стихотворении, посвященном памяти поэта, ученик 10 класса 34-й абдулинской школы Ипполитов пишет:

Прошло сто лет, но ты наш гений,
Средь нас живой, веселый, юный,
Твои желанья и стремленья
Волнуют нас, тревожат ум.
Пройдут еще ряды столетий
А ты, певец, все будешь петь.
Твои труды не знают смерти
И ты не можешь умереть.

Разве не перекликаются эти бесхитростные, сказанные от глубины сердца строки со словами известного русского критика В. Г. Белинского, писавшего, что: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать чтонибудь новое и более верное, и ни одна никогда не выскажет всего».

Людам эпохи социализма, эпохи сталинской Конституции близок и дорог тот, кто воспевал в своих изумительных по красоте и силе стихах любовь к жизни, кто учил страстно ненавидеть и в свой жестокий век смел восславлять свободу.

Волнующе звучит в устах школьников пушкинское слово. Его читают, изучают, заучивают наизусть,

поют. Во многих школах не только города, но и деревни введен специальный пушкинский час.

Первая железнодорожная средняя школа в Оренбурге провела среди учащихся конкурс на лучшего чтеца стихотворений Пушкина. В конкурсе участвовали десятки ребят.

В эти дни можно без конца изумляться творческой активности детей, их пониманию пушкинского стиха, их памяти, способностям, страстному увлечению творчеством А. С. Пушкина.

Первую премию в школьном конкурсе получила ученица 7 класса Люся Радина за чтение отрывка из «Полтавы».

Но жюри конкурса попало в затруднительное положение. Кандидатов на вторую премию оказалось много. Ида Спицина с большим чувством прочитала «К морю», Аля Муратова — «Осень», Тамара Яковлева — «Погасло дневное светило», Витя Печорин — «Братья разбойники»...

Про Женю Бондареву, читавшую «Песнь о вещем Олеге», говорят, что она в душе артистка. А маленькая Лида Карпенко проявляет дарование юной сказительницы. С большим мастерством читает она наизусть «Сказку о золотом петушке».

В ниже-курмеевской неполной средней школе Абдулинского района учителя и ребята организовали пушкинский комитет, создали пушкинскую библиотеку, готовят выставку, посвященную памяти и творчеству поэта, проводят конкурс на лучшего чтеца пушкинских стихов, разучивают и ставят сцены из «Бориса Годунова», «Каменного гостя», «Скупого рыцаря», «Цыган», «Бахчисарайского фонтана».

Здесь неограничен простор для юных дарований. Декламаторы, певцы, танцоры, художники пробуют свои силы на высокохудожественном материале пушкинских творений.

Нет школы, где бы не заучивались и не разыгрывались в лицах пушкинские сказки. Пленителен мир этих сказок. Очаровывая юных зрителей, возникают они на школьных сценах, в клубах, в детских театрах.

Ученики 6 школы—участники пролога «Русля и Людмила». Слева направо: Фила Можарова—ученица 4 класса в costume главной русалки. Мила Рудина — ученица 3 класса в costume русалки, Вова Добровольский—ученик 4 класса в costume «Грозного царя» и Лиля Ефимова — ученица 2 класса в costume русалки.

Фото В. ЕЛАГИНА.

И сколько творческой инициативы, сколько кропотливого труда и изобретательности вкладывают и сами исполнители этих сказок, и учителя, и пионервожатые, и родители для того, чтобы ярче, пышнее, ху-

дожественнее поставить сказку, приготовить декорации и костюмы.

Оренбургская неполная средняя школа № 2 готовит сказку «О рыбаке и рыбке». Готовит так, чтобы не совестно ее было показать со сцены настоящего театра или большого клуба. Сказка идет в «Доме учителя». В постановку введены старинные русские песни и пляски. Хор русских девушек поет «Со व्यюном я хожу», «Как по морю-морю синему». С увлечением готовит школьный балетный кружок русские народные пляски, негритянский танец, танец скоморохов.

Сказку, как полагается, читали всей школой. Участники постановки знают ее почти наизусть. В школе с самого начала учебного года работает три литературных кружка. В каждом классе заучивают пушкинские стихи.

Интерес к Пушкину находит свое отображение в самых разнообразных сторонах школьной жизни.

В 6—7 классах этой же школы на уроках труда ребята вышивают шелками и аппликациями художественный ковер на тему сказки «О рыбаке и рыбке». В эту работу много любви и стараний вкладывает учительница Анна Викторовна Добровольская. Скромный человек, отдавший несколько десятков лет своей жизни школе, она трогательно учит детей любить великого поэта и его творчество. В пушкинский школьный уголок она принесла самой ею изготовленный портрет поэта с его пророческими словами — «Слух обо мне пройдет во всей Руси великой...»

Мы встретились с Анной Викторовной в библиотеке. Она просила Пушкина и последнюю книгу Вересаева о Пушкине. Дома у нее было горе. Умер близкий человек. Анна Викторовна искала облегчения в обращении к любимому поэту. При воспоминании о предстоящей пушкинской годовщине, оживилось ее лицо.

Оказывается, учительница по труду с молодых лет увлекается творчеством А. С. Пушкина. Читала и перечитала его всего. Много знает наизусть. Читает все, что только выходит в свет нового о Пушкине, собирает о нем все журнальные и газетные статьи.

Как-то незаметно выросла и выдвинулась в школах целая плеяда юных пушкинистов. Неверно было бы искать их вечно уткнувшимися в книгу, хмурыми и сосредоточенными, погруженными в свои размышления.

Нет, юные пушкинисты принадлежат к веселому, счастливому и жизнерадостному племени новых людей нашей родины. Они увлекаются играми, спортом, театрами, музыкой. Их интересы многосторонни и цветисты, но они находят время серьезно читать литературу, изучать ее, писать о ней. Их чаще других встретишь в библиотеке и читальне, чаще увидишь с книгой в руках.

В далеком Сок-Кармалинском районе, Оренбургской области, 47 учеников неполной средней григорьевской школы организовали литературный кружок по изучению Пушкина.

В библиотеке оренбургской школы № 2 хранятся автографы рукописей Александра Сергеевича. Их с тайным трепетом перелистывают ученики. После того, как автографы были показаны учительницей на уроке, в библиотеку открылось настоящее паломничество.

Юные пушкинисты Игорь и Олег Чекмины, перечитавшие не только полное собрание сочинений поэта, но и все его касающееся, не раз упрашивали библиотечаршу Анну Семеновну Игумнову еще и еще раз показать им дорогие листы рукописей, от которых веет седою стариной и которые вызывают волнующее чувство близости к поэту.

Нечего и говорить, что глубокое изучение творчества Пушкина, его биографии и эпохи, в которую он жил, неизмеримо обогащает школьников, расширяет их кругозор, открывает перед ними новые стороны жизни.

В библиотеке оренбургской неполной средней школы № 2 хранятся автографы рукописей А. С. Пушкина. Юные пушкинисты Олег и Игорь Чекмины подолгу рассматривают дорогие листы, вызывающие чувство волнующей близости к поэту.

Как-то осенью, в оренбургскую педагогическую лабораторию пришли две девушки. Они внимательно осмотрели пушкинскую выставку. В этом не было ничего необычного. На областной выставке перебивало с

8 сентября по 8 января 1997 школьников. Многие приходили потом еще раз, в одиночку, группами.

Но ученицы средней школы № 9 пришли за другим. Они обратились к работникам педагогической лаборатории за помощью. Юные пушкинистки Тамара Михайловская и Тамара Шевкопляс решили написать работу на тему «Круг знакомых А. С. Пушкина». Работа обещает быть интересной. Для этого девушки перечитали дневники и письма поэта, его биографию, разыскали биографические материалы его друзей, родных знакомых и врагов. Пред их глазами предстал неведомый им, новый и живой Пушкин. Прямой, откровенный, неподцензурный.

Такую же большую работу по изготовлению галереи портретов родных и знакомых Пушкина проделал ученик 7 класса этой же, 9 школы Алексей Межуев. Он нарисовал 17 портретов и несколько биографических зарисовок в школьный пушкинский уголок.

Сотни школьников пишут сочинения о Пушкине и его творчестве, читают доклады, делают альбомы.

Ученица 10 класса 26 железнодорожной средней школы Клавдия Скачко — староста школьного литературного кружка — написала домашнее сочинение на тему «Пушкин в художественной литературе».

Для этого ей понадобилось перечитать Некрасова, Лермонтова, Маяковского и вновь познакомиться с Эдуардом Багрицким, с Тыняновым («Кюхля»), с современником Пушкина — Дельвигом.

Подруге Клавдии Скачко — Ирине Банниковой, школа помогла заинтересоваться жанрами в творчестве Пушкина. И вот, к своему великому изумлению, девушка увидела, как прекрасно и многогранно творчество поэта, как звучен, полноценен и красив язык его стихов. До сих пор Ирина Банникова думала, что Пушкин — это только проза. Теперь она полюбила его лирику.

В школьной жизни, как в капле воды, отражается солнце неугасающей любви русского народа к великому гению художественного слова.

Володя Кудрин — ученик 6-й школы 8 класса в роли «Гусара Башуркина» по пьесе Сергеева-Ценского «Пушкин в Тифлисе».

Фото В. ЕЛАГИНА

Надолго в памяти школьников останутся яркие художественные пушкинские вечера.

Вот и сегодня. Дом пионеров — это вовсе не Дом пионеров. Время отодвинулось на целый век назад. Важный швейцар в ливрее встречает у подъезда «гостей». В зале с колоннами — бал. Плавно движутся в полонезе чопорные великосветские дамы и их блестящие кавалеры — князья, графы, гусары; непринужденно носятся они в вихре огненной мазурки.

Здесь, вы встретите и Евгения Онегина и Татьяну и Наталью Пушкину и друзей поэта. А вот живой Руслан, вон колдует у костра Наина. Злая царица любит в своем тереме в волшебное зеркальце, царь Дадон стоит в своем шатре, бродятazole звездочеты.

Рядом с парадным залом, открывается чудесный мир пушкинских сказок. А еще рядом, «воскресла» деревня Дубровского, деревня Пугачева.

Костюмированный пушкинский вечер в Доме пионеров необычайно интересен и весел.

Такой же вечер устраивает и первая железнодорожная школа в Оренбурге. В выборе костюмов, в их изготовлении она полагается на самих школьников и их родителей. Школьный маскарад под новый год показал, *как изобретательна молодежь. Не меньше 75—80 процентов ребят пришли в школу костюмированными.

Молодежь поет. Многочисленные школьные хоры включили в свой репертуар переложенные на музыку произведения поэта, отрывки из опер, дуэты, песни. В редкой школе не звучит в песне пушкинское слово.

Великое наследство поэта делает богаче, красочнее нашу жизнь. Оно помогает нашей молодежи глубже понять не только прошедшее, но и настоящее.

И молодежь достойно чтит память Пушкина.

Оренбург эпохи Пушкина*)

(Историческая справка ;

КРЕПОСТЬ ОРЕНБУРГ.

Ко времени посещения Александром Сергеевичем Пушкиным города Оренбурга, в 1833 году, последний насчитывал около 100 лет своего существования.

В 1734 году русской императрицей Анной был подписан указ, в котором говорилось: «Запотребно изобрели мы вновь построить город при устье Орй реки, впадающей в Яик,¹⁾ дабы через то в покое, как оные орды ²⁾ в подданстве содержать, так и коммерцию безопасную в пользу нашего интереса и наших подданных иметь,... сему городу... именоваться Оренбург».

*) По материалам Оренбургского Областного Исторического Архива.

¹⁾ Так называлась тогда р. Урал. После пугачевского восстания, которое зародилось на берегах р. Яика и в котором большую роль играли яицкие казаки, Екатерина II, стремясь вытравить из памяти народной даже названия, связанные с именем Пугачева, приказала р. Яик переименовать в р. Урал, а Яицкое казачье войско в Уральское.

²⁾ Речь идет о казахском народе.

Цель постройки Оренбурга ясно выражена в этом указе — обеспечить окончательное покорение местных народов под власть русских царей и облегчить проникновение русского капитала на средне-азиатские рынки.

На назначенном месте была основана крепость Оренбург, как опора владычества русского царизма, как исходный пункт закабаления и эксплуатации степных народов. Трудность связи с центром заставила перенести город ниже по Уралу, на место современной Красногорской станицы, и, наконец, в 1743 году окончательно обосновать его еще ближе к центру, близ устья р. Сакмары — на современном месте. На устье р. Орь осталась Орская крепость, нынешний город Орск.

На том месте, где сейчас расположен город Оренбург, с 1736 года находилась Бердская крепость. При перенесении сюда в 1743 г. Оренбурга эта крепость была также перенесена на р. Сакмару, где она находится и до сего времени, именуясь станицей Берды.

Город-крепость Оренбург основан, как административный центр огромного края и как крупнейшая крепость на линии крепостей, построенных по всему течению рек Урала, Сакмары, Сакмарки. На стройку Оренбурга были согнаны силой представители местных национальностей по 1 человеку от 5 семей с оплатой по 2 копейки в день.

В первый год их работало здесь 927 человек, а в помощь к ним было привлечено около 300 человек русских казаков и солдат. Работали в нечеловеческих условиях. В первый же год стройки среди строителей Оренбурга и других крепостей по р. Сакмаре умерло от цынги 631 человек. К осени 1743 года крепостные сооружения: вал, ров, здания для офицеров и чиновников, церковь и казармы были готовы.

С 1744 г. город Оренбург стал губернским вновь образованной огромной Оренбургской губернии, тер-

ритория которой простиралась от р. Волги до Сибири и от р. Камы до Каспийского моря. В 1782 г. произошла административная реорганизация; вместо Оренбургской губернии было создано Уфимское наместничество, в результате чего центр края переместился в Уфу. Но в 1797 году Оренбургская губерния восстановлена и хотя через несколько лет из-за тесноты все губернские учреждения были переведены снова в Уфу, Оренбург не потерял своего значения как крупный административный центр, так как в нем оставалось управление военного губернатора, штаб отдельного Оренбургского корпуса — центральное военное учреждение края, Войсковой Штаб Оренбургского Казачьего войска, Пограничная Комиссия—учреждение, ведавшее взаимоотношениями с полупокоренным казахским населением соседних степей и сношением со среднеазиатскими ханствами и другие военные пограничные учреждения.

ВНЕШНИЙ ВИД ГОРОДА.

Таким Пушкин застал Оренбург и в 30-х годах прошлого столетия. Он продолжал оставаться крепостью. Вокруг города сохранились крепостные сооружения: вал земляной до $4\frac{1}{2}$ метров высотой, местами укрепленный с внешней стороны камнем-плитняком. Под валом шел ров $3\frac{1}{2}$ метра глубиной, 10 метров шириной. Протяжение вала и рва по окружности 5 верст 192 сажени. Вал и ров направлялись от р. Урала по теперешней улице Бурзянцева, пересекали Чернореченскую и Хлебную площади, далее шли по улице Володарского, затем между улицей 8 марта и Красной площадью и, наконец, через территорию водопровод-

Оренбург тридцатых годов XIX столетия.
Грав. К. Афанасьева. С рисунка П. СВИНЬИНА.

ного фильтра подходили снова к Уралу. Со стороны Урала город не имел укреплений, так как высокий обрывистый берег достаточно защищал его.

В город вели четверо ворот в крепостном валу:

- 1) Сакмарские (угол Советской и Володарской).
- 2) Орские (в конце Орской улицы к Форштадту),
- 3) Уральские (на перекрестке улиц им. Горького и Бурзянцева) и 4) Чернореченские (на пересечении ул. Бурзянцева и Орской).

Через ров перед воротами были перекинuty мосты. Впрочем, к этому времени, крепостные сооружения давно уже не ремонтировались, начали понемногу разрушаться и жители пригородов — Форштадта и Голубиной слободы проложили для краткости пути, чтобы не делать крюк к воротам, тропки прямо через ров и вал. Вне крепостных сооружений было расположено два пригорода. С востока к крепости примыкала, отделенная от нее широкой площадью, казачья станица Форштадт, выстроенная одновременно с основанием города для поселения казаков. Его территория к 30-м годам ограничивалась современными Красной площадью, улицами Каширина и Степана Разина и берегом Урала

С запада город полукольцом охватывал другой пригород — Голубиная слободка. В это время ее постройки были расположены в районе, ограниченном теперешними улицами: Елькинской, Чичерина, Пионерской линией, проездом Коммунаров и обрывом к современной «Арендe». Между Голубиной слободкой и городом тянулась огромная 130-саженной ширины эспланадная площадь. Застройка ее запрещалась крепостным начальством, дабы, в случае осады, здания под крепостной стеной не могли быть использованы осаждаю-

щими. Остатком этой площади является цепь современных площадей: Пионерская, Чернореченская, Хлебная.

В версте от города за Сакмарскими воротами находились постройки военного госпиталя и деревянный загородный дом военного губернатора¹⁾ с садом. Эти постройки отделял от города пустырь, поросший кустарником, через который пролегалла дорога от губернаторского загородного дома к крепостным воротам, красиво обсаженная в виде аллеи ивами.

За Уралом, в виду города, стоял Меновой двор— место совершения мены и торговли с казахами и купцами из средне-азиатских ханств.

И в описываемое нами время город продолжал носить ярко выраженный военно-торговый характер. Каменными зданиями были почти исключительно казенные, выстроенные даровой рабочей силой башкир, из которых составлялись особые рабочие команды в порядке обязательной повинности. На плане 1828 года мы видим внутри крепостных валов прежде всего военные и казенно-управленческие здания. Возле Урала находились казармы, школа военных кантонистов, Ордонанс-гауз (Комендантское управление и военная тюрьма)²⁾, рядом дом коменданта; в центре города: гауптвахта³⁾, дома офицерских квартир⁴⁾, Неплюевское военное училище⁵⁾. Весь первый квартал главной улицы — Губернской (ныне Советской) у Сакмарских во-

¹⁾ Ныне Кагановический райсовет.

²⁾ Позднее был надстроен второй этаж. Ныне это здание занято техникумом механизации земледелия.

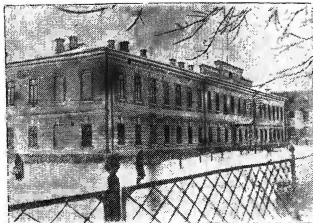
³⁾ На месте школы № 1.

⁴⁾ На месте Пединститута.

⁵⁾ Позднее здание было перестроено. Ныне занимается ВКСХШ.

рот занимали здания и казармы военно-инженерного ведомства.

Вдоль крепостного вала на западе тянулись провиантские магазины. Район между современной улицей

Здание, бывшее под квартирами штаб и обер-офицеров. Сейчас — общежитие.

Фото В. ЕЛАГИНА.

8 Марта и валом занимали также военные постройки: артиллерийские казармы, конюшни, сараи, арсенал, пороховые склады, провиантская комиссия и цейхгауз, «экономические строения» гарнизонного полка и войсковая канцелярия.

Затем выделяются казенно-управленческие здания: дом военного губернатора, Управление военного гу-

бернатора ¹⁾), градская полиция ²⁾), Пограничная комиссия ³⁾), магистрат ⁴⁾), тюремный замок ⁵⁾).

Далее нужно отметить почтовую контору ⁶⁾), бога-

дельню ⁷⁾), аптеку, уездное училище ⁸⁾), гостиницу и харчевню на базарной площади, находившейся к западу от Гостиного двора. Сам Гостиный двор окружала

Фото В. ЕЛАГИНА.

¹⁾ На месте нового жилого дома уг. им. Горького и Советской улиц.

²⁾ На месте гор. Загс.

³⁾ Ныне здание Горкомхоза.

⁴⁾ Здание б. гор. Управы.

⁵⁾ На площади в конце ул. 9 Января к Уралу.

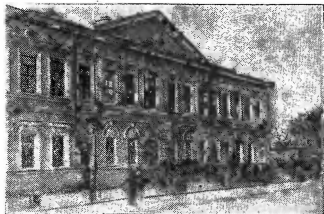
⁶⁾ Уг. Пролетарской и Ленинской, рядом со зданием Облздрава.

⁷⁾ Ныне школа № 33.

⁸⁾ На месте Свердловского клуба.

со всех четырех сторон каменная стена, остатки которой можно видеть и сейчас со стороны Орской улицы.

Над западными воротами Гостиного двора возвышалась сохранившаяся до наших дней башня. В то время на ней находились городские часы. К югу от Гостиного двора, на месте теперешнего Ленинского сквера, была расположена пыльная центральная площадь города, так называемая — плац-парадная. Здесь происходили разводы караулов и парады. На этой площади в начале 30-х годов выстроили каменный манеж Неплюевского военного училища, впоследствии приспособленный под театр, существующий с небольшими изменениями до сих пор.

Школа № 33

Нижний этаж этого здания выстроен в 1808 году для Шапшиковской богадельни. Верх надстроен позднее.

Возле каждых ворот помещалась каменная кордегардия (караульное помещение) и питейный дом.

При наличии 4 учебных заведений, одной больницы и одной аптеки город «украшали» 6 церквей, мечеть, лютеранская кирха, винный подвал и 6 питейных домов.

БЛАГОУСТРОЙСТВО

Если не считать 56 казенных зданий, остальные 1473 здания, занятые обывательскими жилищами, представляли из себя почти исключительно деревянные, одноэтажные, реже двухэтажные домишки в 2—3 окна и даже землянки. Состояние жилищ многих оренбургских обывателей было настолько жалко, что власти время от времени сносили их.

В 1827 году оренбургский полицмейстер в рапорте военному губернатору характеризовал состояние городских построек и приводил ряд примеров ветхих построек: 1) «Изба науличная хотя без подпор и подставок, но весьма наклонившаяся в надворную сторону и поддерживается только надворным столбом, с давних лет строенная и делает улице безобразие, 2) изба подвергается падению так, что наружная стена давно бы вывалилась, если бы не поддерживали подпоры» и далее докладывал о принятых им мерах: «Градская полиция через чиновников своих несколько раз подтверждала жителям г. Оренбурга тем, которые имеют дома ветхие и назначенные к сломке, чтобы они во избежание могущего произойти вреда от чрезвычайной в оных ветхости в нынешнее летнее время вышли из них и заблаговременно приготовили бы себе к зиме жилище, для чего от полиции у них опечатаны печи, но они живут и готовят у других». ¹⁾

¹⁾ Столянский. Город Оренбург, стр. 231—232.

Башня над воротами Гостиного двора с ул. Девятого января, существует с XVIII столетия.

Через десять лет подобная история повторилась, при чем со стороны начальства были приняты более энергичные меры.

В 1837 году губернатор Перовский, ожидая приезда в город наследника престола Александра, чтобы показать свои заботы о городе, решил отделаться от полуразвалившихся хибарок и землянок и приказал сломать их, а жителей выселить за крепостной вал с выдачей от казны пособия в 50 рублей.

У нежелающих выселяться полиция выламывала рамы в окнах и печи.

В Форштадте и Голубиной слободе здания носили тот же характер. Здесь не разрешалось возводить не только каменные дома, но даже и постройки на каменном фундаменте, чтобы они не могли сослужить для неприятеля роль укреплений при осаде крепости. Исключение составлял каменный георгиевский собор в Форштадте, который был использован Пугачевым при осаде Оренбурга для установки своей батареи.

Благоустройством город не отличался. Улиц мощеных не было, пыль носилась по ним тучами. Ученый путешественник немец Базинер, посетивший Оренбург через 9 лет после Пушкина — в 1842 году, говорит, что здесь приходится страдать меньше от грязи, чем от пыли, которая всюду проникает. Впрочем и грязи было достаточно. Базарная площадь ранней весной и поздней осенью была, по свидетельству того же Базинера, недоступной для носящих европейскую обувь.

Один из современников в своих воспоминаниях рисует Оренбург 30-х годов: «Ни улицы, ни дворы не мелись, не чистились; по городу беспрепятственно прогуливались гуси, коровы, свиньи; полиция состояла из полицмейстера и нескольких инвалидов. городское хозяйство велось по домашнему, без отчета и учета». ³⁾

³⁾ Воспоминания «деда Ц...» Тургайская газета 1896 г. № 1, 2, 4, 8.

В 1834 году губернатор указал полиции на нечистоту оренбургских улиц даже в центре города. Полицеймейстер объяснил это бессилием полиции, так как дома в центре принадлежат «высшему сословию», домовладельцы дворников, с которых полиция могла бы требовать чистоту улиц, не имеют, а «к самим владельцам домов не всегда полицейские служители могут иметь свободный доступ».

Общественных садов в Оренбурге тогда совершенно не имелось и при частных домах на весь город насчитывалось только 4 сада и 7 огородов. Правда, часть Зауральной рощи была разбита в виде английского парка со многими беседками, мостиками и даже декоративным замком с подъемным мостом в конце одной из аллей, да загородный губернаторский дом окружал огромный сад. Но эти сады в счет итти не могли, они не были доступны для широких слоев населения. В Зауральной роще устраивались гулянья и празднества высшего общества Оренбурга. Для прочей же публики местом прогулки служил городской вал, откуда открывались неплохие виды на степные дали, подгородные хутора и военные лагеря. О прогулках на валу существовало даже стихотворение домбросенного поэта того времени:

Солнце скрылось за горами
Виден месяца восход,
Свитый мрачными тенями
Тихий вечер настает.
В крепостных стенах спокойно,
Шум дневной уж умолкал
И вот чинно, плавно, стройно
Выступают все на вал.

Уличное освещение почти отсутствовало. Только на главной улице — Губернской — стояло 16 керосиновых фонарей. На их содержание употреблялась штрафная сумма, получаемая с владельцев задержанного полици-

ей на улицах бродячего скота. Водопровод оренбургский один из старейших в России, и в 30-х годах 19 столетия он уже существовал, но пользы от него жители видели немного. Выстроен он по проекту «сочиненному в 1828 году инженером генерал-майором Бикбулатовым». Вода поднималась из Урала насосом при помощи двух машин, приводившихся в движение лошадьми на высоту 22 сажен, в резервуар, из него по деревянным подземным трубам шла в бассейн на Плац-парадной площади у гауптвахты (где теперь Ленинский сквер). В бассейне вода была фонтаном на высоту пяти с половиной аршин. При помощи 5 кранов она разбиралась населением, а излишек по деревянным же трубам шел отсюда дальше на 245 сажен на Базарную площадь, находившуюся к западу от Гостиного двора, во второй бассейн «для народного продовольствия». Но им не пользовались, так как мальчишки и продавцы квасом загрязняли его разными нечистотами.

Деревянные трубы часто лопались и заливали улицы, поэтому водопровод приводился в действие только по праздникам. В обычные же дни жители по старинке возили воду из Урала или брали из колодцев.

Имелись тогда и какие-то городские, торговые бани, находившиеся в аренде у мещанина Суздальцева. Выглядели они так непривлекательно, что в 1832 г. губернатор граф Сухтелен принужден был предложить городской думе «принять меры к улучшению состояния сих бань или устройству новых, более приличных».

На базарной площади помещалась единственная гостиница, претендовавшая, видимо, на первоклассность, поскольку она доступна была только для чиновников и купечества, «какового класса люди весьма в небольшом числе—писал ее содержатель в городскую думу в 30-х годах—входят единственно для игры на биллиарде, а употребление напитков есть весьма на не-

значительную сумму, напротив же низшего класса людям бытность в гостинице строго воспрещается». Об удобствах ее мы можем судить по описанию немца Базинера, который ночевал в лучшей оренбургской гостинице 10 лет спустя. Вывеску гостиницы украшал толстый дымящийся самовар, но закусить после долгого путешествия Базинер в ней ничего не нашел. В комнатах, предоставленных путешественнику, было страшно грязно. Продырявленный диван, на котором он должен был спать, оказался так переполнен клопами, что Базинер бежал с него и продремал всю ночь, сидя на стуле.

УЧЕБНЫЕ И «БОГОУГОДНЫЕ» ЗАВЕДЕНИЯ

Мы не имеем сведений о грамотности жителей Оренбурга того времени, но судя по тому, что даже в 1897 году в Оренбурге насчитывалось 58 проц. неграмотных, в 30-х годах «низшие сословия» должны были быть почти поголовно неграмотными. Оренбург, в это время, располагал четырьмя учебными заведениями, в которых в 1833 году в общей сложности обучалось 267 человек. Это были: Неплюевское военное училище, девичье училище при нем, уездное училище и приходское училище.

Неплюевское военное училище существовало с 1825 года и являлось наиболее оснащенным, как в смысле преподавательского состава, так и учебных пособий. На 70 воспитанников в нем имелось 12 преподавателей. Директором состоял инженер-капитан Артюхов, близкий знакомый, чуть ли не друг, Пушкина. По тому времени училище располагало приличной библиотекой в 508 томов для чтения, 613 учебных книг и 11 атласов. Учебные пособия состояли из микроскопа, термометра, барометра, двух камер-обскур, глобусов,

нескольких математических инструментов и карт. Училище делилось на два отделения — европейское и восточное. Задачей училища была подготовка офицеров, главным образом для казачьих частей, а также переводчиков и чиновников для пограничных учреждений. Перед восточным отделением, в котором обучались «азиатцы» — башкиры, казахи, мещеряки, стояли и более обширные политические задачи — содействие обрусению коренных национальностей края. Преподавание для «азиатцев» велось так, чтобы «о русской истории дать понятие такое, которое могло бы утвердить их во мнении о величии Российской державы и о необходимости повиноваться ей». На общей христианской молитве, читавшейся утром, вечером, перед и после обеда, заставляли присутствовать не только русских, но и «азиатцев» — магометан. На европейском отделении преподавались: «христианский закон греко-русского исповедания, языки — русский, французский, немецкий; история, география, математика, физика, артиллерия, фортификация, а также рисование и фехтование.

На восточном отделении, наравне с христианским законом, преподавался магометанский, а вместо западно-европейских языков — восточные: татарский, арабский и персидский. Кроме того в программу этого отделения не входили физика, артиллерия и фортификация, то-есть науки, необходимые для военной специальности. Последнее вызывалось тем обстоятельством, что по мнению начальства «башкирцев нежелательно образовывать особенно для военного состояния» и что «вредно усвершенствовать их в утонченных познаниях европейской учености». Русские власти опасались дать военные знания представителям угнетенных национальностей.

Училище это комплектовалось исключительно

детьми привилегированных сословий — дворянства, офицеров, чиновников. Правда, в виде исключения попадали в него и дети низших сословий — мещан, купцов, казаков. На восточное же отделение воспитанники вербовались в принудительном порядке из числа «почетных ордынцев», то-есть казахской знати. А «почетные ордынцы» сваливали эту обязанность на «захудалых» из своей среды.

Всюду проникавшая сословность и здесь ярко сказывалась. Хотя все воспитанники проходили одну программу, выпускались они из училища с разными правами. Дети дворян и чиновников получали право на офицерский чин или соответствующий чин гражданской службы, дети русских казаков выпускались урядниками¹⁾, а казахи, кончившие училище, всего навсего избавлялись от телесного наказания, привилегия, присвоенная в николаевской России только «благородному» сословию.

Девичье училище было организовано при Неплюевском училище в 1832 году по примеру существовавшего тогда в Петербурге училища для солдатских дочерей полков лейб-гвардии. Из 50 учениц девичьего училища 30 были дочерьми военных, остальные 20 могли быть «всякого звания». Здесь программа ограничивалась преподаванием закона божия, арифметики, чтения и письма на русском языке и рукоделия: шитье белья, вышивание, вязание. Последнему придавалось особое значение. В рукоделии видели источник практических знаний для девиц, необходимых как в семье, так и для добывания средств к жизни. На практике же оказывалось, что девицы «низшего сословия» не находили применения своим знаниям в области рукоделия и шли на черную работу или занимались мелкой торговлей. Это и понятно — люди среднего достатка обслу-

¹⁾ Младший комсостав казахских частей.

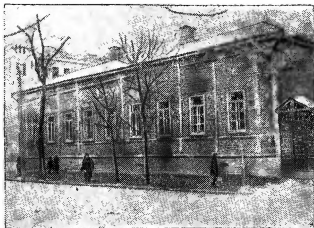
живали шитьем и т. п. себя сами, а более видное чиновничество и офицерство имели для этой надобности крепостных.

В худших условиях находились уездное и приходское училища, рассчитанные на более широкие слои населения.

В уездном училище обучалось в 1833 году 33 ученика, педагогический персонал состоял из смотрителя, законоучителя (священника) и двух учителей. Учащиеся проходили: закон божий, священную историю, «российскую» грамматику, чистописание, правописание, латинский и немецкий языки, «всеобщую географию совокупно с начальными правилами математической географии», географию российского государства, всеобщую историю, русскую историю, начальные правила геометрии и физики и рисование.

На содержание училища из государственного казначейства отпускалось в год всего 350 рублей да из Оренбургского приказа общественного призрения— 500 руб. Этих средств было далеко недостаточно и военный губернатор «убеждаясь чрезвычайно бедным положением» уездного училища в 1831 году выдал смотрителю училища шнуровую книгу для сбора пожертвований. Смотритель передал книгу уездному предводителю дворянства для производства сбора среди дворян, да, видимо, забыл о ее существовании. Лишь в 1835 году выяснилось, что в делопроизводстве уездного предводителя никаких следов этой книги не имеется, она затерялась бесследно. Здание училища еще в 1828 году было признано пришедшим в такую ветхость, что явилась необходимость строить новое. Средств на постройку нового здания не нашлось и только в 1835 году куплен был у полковника Мансурова дом (угол улиц им. Горького и Советской — старое помещение современной школы № 6).

В 1831 году началась переписка об отделении от уездного училища особого приходского училища. Смотритель уездного училища просил военного губернатора графа Сухтелена: «Ветхость уездного училищного дома и тесное в оном помещение, чувствуемсе более от учеников, должных поступить в будущее приходское училище, дает смелость беспокоить особу Вашего сиятельства, дабы изволили приказать Думе».

Здание школы № 6. Построено в начале 30-х годов XIX века. В 1835 г. сюда переехало уездное училище.

Фото В. ЕЛАГИНА.

здешнего общества попещись об открытии сего полезного заведения, в коем дети бедных жителей имеют великую необходимость».

18 февраля 1832 года оренбургское приходское

училище было открыто. На содержание его учредили $\frac{1}{2}\%$ сбор с оценочной стоимости домов. Мещанин Жильцов собрал с домовладельцев и купцов 185 рублей 60 копеек, а сборщик с отставных солдат и разночинцев, имевших в Оренбурге дома, отставной солдат Спиридонов, в сентябре 1831 года отозвался, что по случаю уборки сена и хлеба сейчас заняться этим некогда.

Положение не улучшилось и через 2 года после этого. Штатный смотритель училища Быков в сентябре 1833 года доносил губернатору, что приходское училище с мая, «не получая должного содержания, терпит во всем недостаток, именно: за квартиру Дума не платит ¹⁾, чиновники без жалованья другу треть служат²⁾; сторож без платы не желает быть при училище; дров купить не на что; в канцелярских надобностях и во всех вообще нуждах имеет крайность». А между тем это было самое крупное по числу учащихся учебное заведение.

В 1833 году 114 человек детей обучалось в нем «1) закону божию по краткому катехизису и священной истории, 2) чтению по книгам церковной и гражданской печати и чтению рукописей, 3) чистописанию и 4) четырем первым действиям арифметики».

Еще более на низком уровне, чем народное просвещение, находилось дело здравоохранения. Полагался один лекарь на целый уезд, при чем к его обязанности относилось «пользование в городской больнице воинских чинов и другого состояния людей, свидетельство мертвых тел в уезде, пресечение болезни на скоте, ибо во всей губернии один только ветеринарный врач». Городовая больница 30-х годов в Оренбурге имела 4 койки и получала от городской думы на со-

¹⁾ Училище помещалось в частном доме.

²⁾ Год в то время в сметном отношении делился на трети, соответствующие нынешним кварталам.

держание 300 рублей в год. Присутствие врача в городе почти не чувствовалось, поскольку ему приходилось обслуживать огромную территорию всего уезда. В экстренных случаях некоторую лечебную помощь оказывал населению имевшийся в Оренбурге военный госпиталь. Частных врачей совсем не было и, как правило, население при болезнях пользовалось домашними народными средствами и услугами знахарей и бабок, а больше полагалось «на волю Божию». Впрочем и начальство охрану народного здоровья также возлагало на бога. В отчете оренбургского гражданского губернатора за 1833 год в отношении состояния лечебной помощи населению читаем: «Благодаря бога в течение настоящего года повальных болезней на людей не существовало и потому особых мер предпринимаемо не было».

И все же в сравнении с другими городами губернии Оренбург в этом отношении был в более благоприятных условиях. Здесь, например, находилась одна из двух имевшихся в губернии аптек ¹⁾).

Помимо больницы к «богоугодным заведениям» относилась еще богадельня для неимущих и безродных стариков. Она содержалась на средства, пожертвованные «человеколюбивыми» купцами, уделившими от своих огромных барышей на спасение души небольшую долю. В этой богадельне в 1829 году жило 7 мужчин и 18 женщин, а сотни состояли кандидатами и тщетно, в большинстве случаев до смерти, ждали своей очереди, промышляя нищенством.

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Приведенное выше свидетельство «деда Ц» о ведении оренбургского городского хозяйства по домаш-

¹⁾ Другая была в г. Уфе.

нему подтверждается данными архивных документов. В городской думе хозяйничали городская голова и гласные. Городские финансы были запущены, касса пуста, доходы, предусмотренные законом, не поступали. Так, в 1833 году откупщик Горяинов, плативший в казну за торговлю вином в г. Оренбурге 263.500 рублей, обязан был ежедневно вносить в доход думы 1% с этой суммы, но за 4 года задолжал городу 9154 рубля. Купец Жилкин за аренду бани был должен 3500 рублей, за содержанием ренсковых погребов числилось долгу 2100 рублей, за содержанием городских весов мещанином Сизовым 3130 р. 92 коп. и т. д.

Благодаря этому весь капитал городской думы выражался в сумме 3924 р. 91 коп. И все же «хозяин города», городская голова купец Жилкин, не постеснялся взять взаимобразно из этих денег 3000 рублей.

На принадлежащие городу деньги купцы делали оборот и в то же время дума не имела средств для оплаты учителей приходского училища.

Чтобы судить о размерах городского хозяйства, приведем несколько цифр из годового отчета «о доходах городу присвоенных и о расходах оных по Оренбургской градской думе» за 1830 год. Доход выразился в сумме 13.317 рублей 71 коп., а расход—10.214 рублей 65 копеек. В том числе на жалование секретарю городского магистрата, письмоводителю градской думы, писцам, служителям, ходокам и сторожу—6056 рублей 77 $\frac{1}{4}$ коп. На отопление и освещение тюремного замка и градской полиции 1452 рубля 06 копеек. На постройку каменной бани 1158 рублей, на ремонт Гостиного двора, магистрата и будок часовых—59 рублей, на охрану городских весов и кладбища 620 рублей, на покупку каромысла для базарных весов 202 р. 40 к., на очистку рыночной площади 125 рублей, за известь на засыпку могил холерных 50 рублей, часовому мастеру за заведение башенных часов 30 рублей,

остальные — 451 руб. 42 копейки «на разные потребности».

Город имел 1801 десятину 561 сажень пахотной городской земли, которая была разделена между сословиями и могла распахиваться каждым желающим из жителей с платой в городскую кассу 2 рублей за десятину ближней земли и одного рубля за десятину дальней. Но на деле земля оказывалась в бесплатном пользовании тех, кто был посильнее. Среди таких самовольных захватчиков городской земли видим лиц «благородного сословия»: господин титулярный советник захватил 20 десятин, подпоручик Коровин 20 десятин, господин коллежский ассессор и кавалер Шапошников 7 десятин; далее идут архитектор Лысатов, учитель Гончаров, протопоп Львов и др.

Все денежные и натуральные городские повинности выполняли основные податные сословия города — мещане и купцы. На градские и земские повинности каждый купец второй гильдии вносил в год 80 рублей, третьей гильдии — 40 рублей, сверх того за право торговли первые платили 4% с капитала, вторые — 2½%. На мещанах лежали следующие платежи: подушная подать — 8 рублей, земской повинности — 35 копеек, на устройство больших государственных дорог — 30 копеек с человека.

Больше тяготили натуральные повинности. Купцы и мещане обязаны были выбирать из своей среды различных должностных лиц в магистрат, градскую думу, сиротский суд; градского голову, гласных думы, городских старост, бургомистров, ратманов и т. п.

Должностей было много, а число имеющих право быть выбранными ограничено. В 1819 году в Оренбурге числилось купцов 84 человека, мещан 270 человек. За вычетом женщин, подсудимых и престарелых, кандидатов на городские выборы должности оставалось

мало. Редко кто из выбранных не обжаловывал свою кандидатуру перед губернатором, прося освобождения. Ссылались и на болезнь, и на старость и на многосемейность, и на безграмотность, и на частые отлучки из города по торговым делам. Нередко бывало, когда общество купцов и мещан выбирало на городские должности кого-нибудь из провинившихся перед обществом в виде наказания. Отсюда понятна та запущенность городского хозяйства, о которой говорилось выше.

ТОРГОВЛЯ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ.

С самого своего основания Оренбург был крупным пунктом по торговле с Казахстаном и Средней Азией. С 40-х годов XVIII столетия для торговли с азиатскими купцами, в 3-х верстах от города,—за рекой Уралом—выстроили Меновой двор, получивший свое наименование от того, что первое время на нем велась торговля без денег — меновая.

Меновой двор представлял из себя четырехугольный огромный двор, окруженный каменной стеной. По углам его находились бастионы для защиты от нападений. С юга и севера внутрь Двора вели ворота. Над северными — «Российскими» помещалась таможня, над южными — «Киргизскими» — кордегардия (караульное помещение). Изнутри к стенам примыкали 122 жилых помещения, 220 лавок и 48 амбаров с навесами. В центре Менового двора помещался так называемый «азиатский дворик» — четырехугольник из лавок с выходом наружу. С севера и юга во дворик вели ворота. Над южными находилась церковь, а к ней примыкали изнутри дворика пакгауз и двое весов.

С июля по ноябрь сюда пригоняли из казахских степей гурты скота, а из Средней Азии прибывали ка-

раваны, привозившие ковры, шелк, каракуль, хлопок, бумажную пряжу, сушеные фрукты и т. п. Из России в обмен на эти товары шли сукна, бумажные ткани, меха, кож. товары, краски, чай, сахар, хлеб, бакалея, металлические изделия, за исключением оружия. Оружие ввозить в полупокоренную степь строгойше запрещалось. Восстания казахов русские власти боялись настолько, что в 1833 году губернатор Перовский предложил комендантам крепостей Оренбургской линии, во

На снимке: торговые лавки в Гостином дворе, существовавшие с XVIII столетия, когда вся торговля была сосредоточена внутри двора.

Сейчас там магазины и универмаги Горторга.

Фото В. ЕЛАГИНА.

избежание продажи казахам боеприпасов, следить, чтобы промышленники, отправлявшиеся в степь за солью брали с собой не более 20 патронов на ружье и 10 па-

тронов на пистолет, а по возвращении отчитывались в их расходе.

В далекое путешествие через казахскую степь мелкие караваны пускаться не рисковали. Обычно отправлялись караваны в несколько сот верблюдов.. Так, незадолго до приезда Пушкина в Оренбург, 15 июня 1833 года, сюда прибыл караван в 496 верблюдов, доставивший 213 мест бумажной пряжи, 24 места хлопка, 9 мест сушеных фруктов и 486 мест разных товаров. Вслед ему шел караван в 700 верблюдов. Прибытие каравана в 250 верблюдов 25 октября 1833 года описывает в своем письме гостившая в это время в Оренбурге некая Е. З. Воронина.

Зимой, когда торговля стихала, центр ее переносился с Менового двора в город, на Гостиный двор. Последний по своему устройству мало чем отличался от Менового. Его также окружала с 4-х сторон высокая каменная стена с воротами в каждой стороне. К стенам изнутри примыкали лавки. Остатки этих лавок с навесами сохранились в юго-западной части двора до наших дней. Гостиный двор в то время делился на две части. В северной торговали азиатские купцы—хивинцы и бухарцы, в южной — русские.

С запада к Гостиному двору примыкала базарная площадь. Здесь было несколько рядов лавок с железом, посудой, бакалеей, кожами. Помимо лавок на базаре располагались столы менял, продавцов овощей; прямо на земле торговали своими кошмами и кожами: башкиры и казахи.

Уже упоминавшегося нами немецкого путешественника Базинера поразила пестрота многонациональной базарной толпы тогдашнего Оренбурга. Он упоминает русских, поляков, немцев-колонистов, казахов, башкир, татар, бухарцев, хивинцев, калмыков и даже французов и итальянцев из числа застрявших здесь пленных наполеоновской армии.

Торг велся преимущественно заграничный, с купцами средне-азиатскими и казахскими и потому контингент торгового люда был не обширен. Так, в 1829 году торговлей занималось 83 человека, один дворянин, 41 купец, 29 мещан, 11 крестьян казенных и 1 крестьянин помещичий. И это несмотря на ряд льгот, предоставленных оренбургским купцам от правительства в целях усиления коммерческой связи со средне-азиатскими ханствами, а вслед за ней и политического влияния. Общий оборот внешней торговли через Оренбург достигал крупной по тому времени суммы—свыше 5 миллионов рублей. В этой торговле Оренбург играл роль узлового пункта, через который шли азиатские товары внутрь России, а продукция российская в степи и далее на юг.

Медлительность почтовой связи сильно тормозила развитию торговли. Поэтому в 1833 году была учреждена экстра-почта, между Петербургом и Оренбургом «для ускорения служебных сношений Оренбургского края со столицей и для споспешествования коммерческим оборотам по азиатской торговле, столь важное для России».

Торговля со Средней Азией не была частным делом купцов. За ее развитием зорко следила и местная администрация и правительство. В Средней Азии видели надежный и обширный рынок для сбыта русских товаров. До 30-х годов в «Журнале мануфактуры и торговли» все статьи были проникнуты оптимизмом относительно перспектив развития торговой связи со Средней Азией. Этот журнал писал, что средне-азиатские рынки должны быть «как бы привилегией для русских мануфактурных изделий, дарованной географическим положением и политическими отношениями»¹⁾. Но в 30-х годах стали поступать тревожные

¹⁾ Е. Н. Кулева. Средне-азиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века, Исторический сборник 3, стр. 134

известия. В 1833 году оренбургскому военному губернатору, побывавшие в Бухаре и Хиве купцы доносили, что на рынках этих ханств появились английские товары, проникшие через Индию, Персию и Турцию. Такие известия вызвали оживленную переписку с министерством иностранных дел и послужили одной из причин учреждения экстра-почты. С организацией ее верста пути проходила в 5 минут, что позволяло в неделю доставить в Петербург срочное донесение. Кроме того Перовский организовал так называемую «легучку», обслуживать которую обязаны были башкиры: через каждые 25 верст, на определенных пунктах, стояли конные башкиры, которые доставляли во весь опор почтовые сумки от одного пункта до другого, чем достигалась по тому времени большая скорость в движении почты.

СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Как административно-военный и торговый центр Оренбург имел и соответствующий состав населения. На 5 тысяч человек гражданского населения, числившегося в нем по отчету губернатора за 1833 год, в Оренбурге стояло свыше 2-х тысяч войска. Да и в число 5-ти тысяч входило много людей, являвшихся или полувоенными всю свою жизнь, как казаки, или оказавшимися в Оренбурге в результате военной службы, как отставные солдаты.

Ярко выраженная сословность пронизывала все поры оренбургской жизни, как и всей николаевской России. Верхи оренбургского общества состояли из офицеров и чиновников многочисленных военных и гражданских учреждений и воинских частей, они же в большинстве были и местными помещиками, дальше шли податные сословия: купцы, мещане, отставные солда-

ты ¹⁾ и казаки. Каждое сословие даже селилось в особом районе. Солдаты инженерных и артиллерийских частей жили в районе между улиц Володарского, 8-го Марта, Орской и Советской; гарнизонных солдат селили между Советской, им. Горького, Бурзянцева и Уралом; казачьи офицеры и чиновники жили между Советской, Горсоветской, 8-го Марта и им. Горького; для «азиатцев» отведен был район между Горсоветской, Советской, им. Горького и 9-го Января, в центре этого района стояла мечеть. Здесь до сих пор видим Татарский переулок, до революции был Мечетный, ныне Нацмен, а в казачье-офицерском районе не так давно можно было видеть Атаманский переулок. Для рядовых казаков 30-х годов существовала своеобразная черта оседлости. Они могли жить только в Форштадте. В случае обнаружения поселившихся в городе казаков их выселяли. Голубиная слободка в большинстве населена была отставными солдатами. На жизнь в городе по законам того времени имели право лишь определенные (городские) сословия, несшие и платившие городские повинности. Город был для дворян, офицеров, чиновников, купцов и мещан. Прочий люд селился за крепостным валом — в предместьях.

«Высшее» общество Оренбурга, с которым ненадолго пришлось А. С. Пушкину встретиться, состояло из кучки крупных чиновников, генералов и офицеров, во главе с военным губернатором. Оренбургским военным губернатором с весны 1833 года был Василий Алексеевич Перовский, побочный сын графа Алексея Разумовского, личный адъютант Николая I и друг В. А. Жуковского. Через своего брата-литератора Перовский был близко знаком по Петербургу с А. С. Пушкиным.

¹⁾ Срок действительной военной службы в то время был 25-ти летним. По окончании ее отставной солдат, потерявший все связи с родными и приобретший их на месте службы, часто оставался здесь доживать свой век.

В. И. ДАЛЬ.

Вслед за Перовским в Оренбург на службу прибыл друг А. С. Пушкина Владимир Иванович Даль известный лексикограф и литератор, писавший под псевдонимом «Казак Луганский».

Среди ссыльных поляков, в большом числе живших в это время в Оренбурге, находился польский писатель Фома Зан, товарищ и друг известного польского поэта Адама Мицкевича, сосланный сюда за организацию тайных обществ «филоматов» и «филоретов», имевших целью подготовку восстания в Польше. Эти лица составляли исключение.

В массе же своей и представители «высшего» оренбургского общества не блистали большой культурой. Время проводили в ежедневных визитах, званых обедах друг у друга и балах. Иногда устраивались гулянья в губернаторском саду, в Зауральной роще, изредка общество развлекал заезжий фокусник.

На такой отдаленной окраине и трудно было ожидать большой культурной жизни. Почта получалась и отправлялась из Оренбурга один раз в неделю, театра не было, библиотеки тоже, первая газета в крае стала выходить с 1838 года и то издавалась она не в Оренбурге, а в Уфе. Хотя нужно оговориться, что предшественник Перовского, губернатор граф Сухтелен, в 1832 году пытался издавать местную газету, один номер ее был даже выпущен, но за отсутствием культурных сил дело этим и кончилось. Полиграфическая же база для газеты была в виде учрежденной незадолго перед тем при Неплюевском военном училище военно-походной типографии. При ней было восточное отделение, располагавшее арабским шрифтом. Работа этой типографии ограничивалась выполнением заказов различных учреждений по напечатанию бланков, циркуляров и т. п.

Из культурных учреждений необходимо отметить организованный при Неплюевском же училище в на-

чале 30-х годов «Музеум». Над его организацией много поработали В. И. Даль и Ф. Зан. Последний был и директором музея. Один из лучших учеников приходского училища Масленников был послан в Казань для обучения искусству препарировать животных и готовить для музея чучела.

В 1833 году это была типичная кунсткамера—сборище различных диковин и далеко не только оренбургских: огромный череп «допотопного» зверя, манекены этнографических типов жителей края — калмыков, казахов, мордвин и даже сибирского шамана, чучела животных и птиц, раковины, сбрзцы минералов и тут же портрет англичанина-альбиноса с розовыми глазами и абсолютно белыми волосами, проезжавшего в 1831 году куда-то через Оренбург.

Как пограничный с Азией, город Оренбург был пунктом, где окончательно формировались научные экспедиции, изредка направлявшиеся для исследования степей Казахстана, Урала и Сибири. В 1832 году через Оренбург проехал кандидат Дерптского университета доктор астрономии Федоров для производства астрономических наблюдений в районе Орской и Троицкой крепостей. В 1832—34 годах производил изучения флоры Оренбургского края профессор Лессинг из Берлина. Для сопровождения его вглубь казахской степи из Орской крепости отряжена была охрана в 117 человек. В 1834 году снаряжался в Оренбург для производства «геогностических» исследований титулярный советник Гельмерсон, следовавший в район Калывано-воскресенских заводов.

Картины, нарисованные гениальным пером Н. В. Гоголя в его комедии «Ревизор», полностью могут быть перенесены на оренбургскую почву. Тупость, бездельничанье и взяточничество чиновников, алчность и грабеж купцов, бесправие низших слоев населения

видим на каждом шагу и в Оренбурге. Оренбургский гражданский губернатор в своем отчете по обозрению губернии в 1833 году так характеризует оренбургское чиновничество: «польза общественная для них менее важна, нежели их собственная; усердие их возбуждается тогда только, когда они предусматривают личные выгоды по странным их понятиям, и таким образом утратили доверие населения поступками, не соответствующими их долгу». Из того же отчета губернатора видно, что в учреждениях был страшный хаос, дела тянулись голами, неисполненные бумаги сваливались кучами; в 1833 году «под сукном» в одном из учреждений с 1828 года оказалось 456 бумаг.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ КОРЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Вся эта свора чинуш, помещиков и офицерства жила и наживалась не только на эксплуатации и поборках русского крестьянства. В оренбургских условиях поле деятельности их было шире. Их алчные аппетиты удовлетворялись еще в большей степени за счет покоренных народов—башкир и казахов. Огромные пространства захваченных у башкир и казаков земель царское правительство объявило казенными, «пустопорожними» и щедро раздавало офицерам и чиновникам, «потрудившимся» над насаждением русского владычества в крае. Так образовывались оренбургские помещики, которым «жаловались» тысячи десятин земли. В 30-х годах прошлого столетия сам коллежский советник Жуковский получил 2 тысячи десятин, генерал-лейтенант Жемчужников 5 тысяч и т. д.

На новые земли помещики переселяли крестьян из своих имений во внутренних российских губерниях.

Формально с 30-х годов XVIII века казахский народ находился в русском подданстве, но фактически еще и через 100 лет, т.-е. в описываемую нами эпоху, это было далеко не так. Раскинувшись по огромной территории тысячеверстной степи, казахские племена, лишь в районах близких к линиям русских крепостей, тянувшихся по рекам Урал, Илек, Тобол и т. п., чувствовали на себе непосредственную тяжесть русского владычества. Наличие глубокого тыла в виде более отдаленных казахских районов и еще более далеких единоверных казахам средне-азиатских ханств заставляло русское правительство вести более осторожную политику по отношению к казахам, чем оно проводило по отношению к другим покоренным народам. Но положение казахов далеко не было легким. Крепостное право ввести для них русское правительство не могло, но дало широкую возможность закрепощать отдельных представителей этого народа.

Разорение казахов признавалось и официальными органами. В указе Сенату 1808 года говорится: «Киргизы из подданных наших, по близости к Оренбургской линии и по всей границе от Каспийского моря до Сибири кочующие, пришли по разным случаям в столь бедственное состояние, что, не находя средств к пропитанию, многие из них покушаются даже на продажу детей своих в рабство хивинцам». Но в рабах нуждались русские помещики и чиновники малолюдного Оренбургского края и царским указом было разрешено всем русским «свободного состояния» покупать и выменивать у казахов детей с обязательством по достижения ими 25-летнего возраста освободить их. Оренбургские офицеры и чиновники широко пользовались этим правом. Каждому владельцу выдавался из Пограничной Комиссии документ на право иметь на воспитании такого-то мальчика или девочку. При чем,

как правило, все дети вскоре же крестились, чем достигалось окончательное обрусение их. Жизнь этих «воспитанников» ничем не отличалась от жизни крепостных. В случае бегства от своих «воспитателей», их ловили и, как беглых крепостных, доставляли хозяевам. Проводилась и торговля этими детьми под видом «передачи».

Башкирский народ, обескровленный жестокими подавлениями многочисленных восстаний, происходивших на протяжении нескольких столетий, зажатый в кольцо русских крепостей, к этому времени был более «замирен», чем казахи. Эксплуатация башкир проводилась, так сказать, в законодательном порядке. Мы не ошибемся, если скажем, что город Оренбург не только в первые годы своего существования при построении крепости, но и на протяжении последующего столетия с лишним строился и благоустраивался даровой рабской силой башкир. Башкиры несли казачью службу на своих конях, со своим снаряжением, но помимо того из них составлялись рабочие команды по рубке леса и сплавке его по рекам Сакмаре, Ик и другим, в Оренбург—на стройку и отопление города, те же башкиры работали на казенных кирпичных заводах у горы Маяк, строили казенные здания, употреблялись на земляные работы и т. д. и все это бесплатно в порядке повинности. По меткому выражению одного из современников, башкиры являлись неграми Оренбургского края.

ОРЕНБУРГСКАЯ ТЮРЬМА И ССЫЛКА

Земельные просторы привлекали в Оренбургский край не только помещиков.

Социальный и политический гнет гнал на восточные окраины массы эксплуатируемого населения. Сюда

переселялись в организованном порядке государственные крестьяне, сюда бежала в одиночку масса помещичьих крестьян. Край был наполнен беглыми. Бежали из местных воинских частей солдаты, бежали башкиры и мещеряки из рабочих команд. Бегство — это был выход, доступный всей массе эксплуатируемых. Местная администрация уделяла много внимания ловле беглых и бродяг, выявлению их личности и возвращению на места.

Оренбургский тюремный замок заполняли преимущественно беглые солдаты, рекруты, башкиры, мещеряки, помещичьи крестьяне, бродяги и в меньшей мере задержанные за уголовные преступления. Еще больше беглых солдат содержалось в военной тюрьме, при комендантском управлении — ордонанс-гаузе, население которого временами доходило до жуткой цифры — 931 чел. Теснота, отсутствие вентиляции, сырость, плохое питание и одежда создавали нечеловеческие условия для обитателей оренбургских тюрем. В особенности тяжела была участь казахов, содержащихся в особом «азиатском» отделении. Как иноверцы, они не получали от оренбургских жителей «доброхотных даяний», на помощь родственников, кочевавших в глубине степей, рассчитывать также не приходилось, а работы они не получали, как объясняло начальство «по несклонности киргизских арестантов к ремеслам и работам».

Через оренбургский тюремный замок прошли в свое время крестьяне и казаки, участники восстания Пугачева, башкиры после подавления их «бунтов», отдельные декабристы, из числа которых некоторые жили в Оренбургском крае еще в 50-х годах. 1830 год дал новое «пополнение» — участников польского восстания. Ссылных поляков в Оренбурге было много, начиная с философа Зана, ксендза Зеленко и графа

Красовского, кончая мелкой шляхтой, рядовыми повстанческих войск. Одни из них жили под надзором полиции, другие сданы были в солдаты в местные батальоны, третьи служили на государственной службе и впоследствии превратились в местных помещиков, как например Циолковский. Но не мало поляков поплатилось жизнью в ссылке. Сохранились сведения о судьбе одного из повстанцев — Левандовского, который отказался выйти на переключку зимой во двор, так как был бос. Когда же караульный офицер все же потребовал этого, Левандовский осмелился доказывать офицеру бессмысленность такого требования и за то был по приказанию губернатора Перовского пропущен сквозь строй, получив 3000 ударов розгами, отчего вскоре скончался.

За свое короткое пребывание в Оренбурге А. С. Пушкин, как сообщает со слов жены В. И. Даля Е. З. Воронина, в своем письме, через несколько дней после его отъезда, «бывал только у нужных ему по делу людей или у прежних знакомых». Прежними знакомыми были Перовский, Артюхов и Даль, кто подразумевается под нужными людьми, остается неизвестным.

Сам город, несмотря на краткость своего пребывания здесь, Пушкин осмотрел довольно подробно, во первых, потому, что пересек его почти весь, направляясь к Артюхову в Неплюевское училище, во вторых, потому, что специально ездил с Далем по городу, а также в станицу Берды осматривать места, связанные с именем Пугачева.

Полученные от этого знакомства с Оренбургом и его окрестностями впечатления помогли ему воспроизвести картину пугачевского восстания и в его «Истории Пугачева» и в романе «Капитанская дочка» с большой полнотой и исторической точностью.

Редактор Ефремов. Корректор Савинова.
Облито № 564 от 19.11.37 г. Заказ № 496. Сдано в на-
бор 31-1.37 г. Подписано к печати 17.11.37 г. Формат бум.
60x90 $\frac{1}{16}$. Колич. п. л. $6\frac{7}{16}$. Тип. знаков в 1 печ. л. 41328.
Тираж 10.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
С. Колесниченко. Пушкин и пугачевское восстание . . .	5
Н. Прянишников. Пушкин в Оренбурге	16
Вязовский. 26 мая 1899 года в Оренбурге	37
В. Всеволодов. 50 лет со дня смерти Пушкина	45
В. Волков. Пушкин в народе	48
В. Левандовская. «Здравствуй племя, младое незнакомое»	53
К. Сальников. Оренбург эпохи Пушкина	64